

Василий Фомин

ЛЕГЕНДА О ЦАРИЦЕ

Часть первая
Явление народу египетскому

Василий Фомин

**Легенда о царице. Часть первая.
Явление народу египетскому**

«Издательские решения»

Фомин В.

Легенда о царице. Часть первая. Явление народу египетскому /
В. Фомин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832847-3

В романе описываются увлекательные, а порой и жуткие приключения современного человека в Древнем Египте. Роман состоит из пяти книг, и автор решил напечатать их по одной книге, ибо полная версия получилась очень уж объемистая. Кроме того, читатель может определить, подходит ли к его вкусу сие произведение. Со своей стороны могу вас уверить, что приключений в романе хватит всем, но людям излишне впечатлительным посоветовать его чтение не могу.

ISBN 978-5-44-832847-3

© Фомин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Где я, кто я и зачем?	6
Глава вторая. Откуда здесь Египет!?	13
Глава третья. Приключения в ночи	19
Глава четвертая. Свидание при луне	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Легенда о царице

Часть первая. Явление народу египетскому

Василий Фомин

© Василий Фомин, 2016

ISBN 978-5-4483-2847-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К востоку от священной реки, воды несущей в Великую Зелень, в глубине пустынных Алебастровых гор, в самых их недрах, под сводами огромной пещеры, под охраной невидимых во тьме сталактитов, на кальцитовом троне сидит царица Нейтикерт.

Она совершенно такая же, как и при жизни: каменно неподвижная, с чеканными чертами прекрасного и бесстрастного лица, с взглядом огромных черных глаз, устремленным в бесконечность.

На троне священным письмом выбита надпись:

«Великая царица Нейтикерт,
умом не уступавшая мудрецам,
жестокостью, сравнимая с богами,
свирепостью превосходившая зверей,
а красотой всех женщин,
отвагою так же, не уступавшая мужчинам,
коварством равная ядовитым змеям,
а благородством древности героев.
Последняя законная царица Черной Земли,
последняя носительница крови Гора,
ушла в огонь,
тем, завершив судьбы предначертанье.
Нет никого, из тех, кто видел,
Нет никого, из тех, кто знает,
нет никого кто скажет».

(текст автора)

Царица Нейтикерт сидит в полном мраке и в полной тишине. И пещера так глубока, и тьма так густа, и тишина так глуха, что неясно – это уже было, это есть или еще только будет.

Но пронзительная тишина иногда нарушается одиноким звуком – КАП!

И далее долгое молчание.

Нет никого, из тех, кто видел, нет никого, из тех, кто знает, нет никого кто скажет.

Глава первая. Где я, кто я и зачем?

Вначале было темное ничто,
С неявными обрывками чего-то,
Затем, все это полностью исчезло,
Явилось нечто сине-голубое,
Огромное, от края и до края.
И стало ясно – это видит человек,
Лежащий голым на песке,
Раскинувши крестом руками,
Вверх глядя серыми глазами.
Такая вот картина в сознании возникла,
Но только у кого,
– вот это совершенно не понятно.

(текст стихов автора)

– Итак, я умер, и вот это смерть – так думал человек, лежа на спине раскинув руки, – и, значит, так вот выглядит тот свет. Однако, что-то, очень он похож на этот, хотя теперь вот этот (лежащий человек раскидывал пальцы в разные стороны), – это тот, или, напротив, тот – теперь вот этот. Так, это дело надо хорошенько обсосать мозгами, а что тут обсосешь, когда есть только эта синева и этот самый факт, что я все это вижу. И ничего совсем не больше! Впрочем, только что и этого в округе не имелось, так же как и самой округи.

Некоторое времени количество лежал он неподвижно и молча, пытаясь что-либо понять, и понял лишь одно, и нижеследующее:

– Оказывается, мысли есть и после смерти, что собственно не так уж плохо, хотя я это представлял себе несколько иначе.

Человек присел, опершись о песок руками, все вокруг перевернулось пару раз вверх дном и, покачавшись несколько, все же устояло.

– О, бог или – о, дьявол! – сильно удивился человек – да ведь это небо, а вот тут земля – он хлопнул по песку ладонью – я знаю, что все это значит. – Это мир! А это, – он ткнул себя пальцем в грудь, – я вот, в этом мире и, главное, что почему-то голый. Мать вашу! А где ж вещички?

Наклонив голову, он оглядел себя – грудь, живот и длинные ноги. Ну, что ж вполне сойдет, могло бы быть и похуже. Могло все это быть пузатым, кривоногим, одноглазым и хромым.

Какие еще имелись вокруг, в том смысле, что в окрестностях, иные факты?

Еще имелся факт в виде непарнокопытного животного, сидевшего по-собачьи на своей непарнокопытной заднице. «Ага» – подумал человек и более, по факту этому, он ничего не смог подумать. Более всего животное походило на небольшую, но очень стройную лошадь, желто-красной, как песок пустыни, масти, с белым брюхом и с белыми, же чулками.

«Лошадь» – уверенно подумал человек. Короткая жесткая черная грива, начиналась в аккурат между ушами. «Да, лошадь! Факт! И прямо скажем даже конь» – уточнил он, заметив некую, весьма характерную, и очень весомую, для коня деталь. Однако у коня на голове шевелились длиннющие, ну явно не конские, уши. Такой вот был красавец, хотя чего же был, когда – вот же он – такой и есть. Животное слегка раскачивалось и косило на человека хитрым глазом – вот ведь скотина! А также фыркало и прядало ушами.

«Осел! – вдруг понял человек. – Или все же лошадь? – засомневался он тут же, но чуть позже».

– Ну, раз есть мир, а в нем есть я, а так же и еще, быть может быть, осел (а так же лошадь? а точнее, – или может быть), то надо встать пойти и посмотреть – что здесь, зачем, и как, а главное – и почему? – решил человек и вправду встал.

Мир снова закачался, но все вскоре устаканилось, снова, как и было прежде. Теперь шажок, еще шажок (ух, ты как интересно) – получилось!

– Эй, длинноухое животное, а ты на что там все время смотришь, да еще так пристально?

Длинноухий, всхрапнул и помотал головой. Перед ним лежала гладкая, изогнутая дощечка локтя в полтора длиной и шириной в ладонь. Человек поднял ее, повертел, похмыкал и, размахнувшись, бросил. Доска с гуденьем удалась, развернулась, выписала замысловатую кривую, ещё одну и многообещающе гудя, направилась к человеку, с любопытством наблюдавшему за ее воздушными эволюциями. По мере приближения предмета рот человека начал приоткрываться, а глаза расширяться и он несколько раз с легкими беспокойством глянул на осла.

– Атас! – заорал он, наконец. – Животное, – полундра, блин!

И с криком «Ай!» метнулся в сторону, увернувшись в самый последний момент. Осёл взвизгнул, и тоже поскакал, но в сторону другую, кося дикими глазами. Доска, однако, заложив очередной вираж, злобным коршуном устремилась за ними и, некоторое время, по пустыне беспорядочно носились человек и большой осел (а, может быть, небольшая лошадь), взбрыкивающий непарнокопытными ногами с, мелькающей меж ними, гладкою доскою. Время полета последней, все же, было ограничено и, в конце концов, она сочно воткнулась одним концом в песок. Человек отдышавшись, переглянулся с ослом, осторожно подкрался к торчащей из песка доске и, чуть высунув язык, и прикусив его зубами, боязливо потрогал таинственный предмет носком ноги. Доска даже не пошевелилась, словно неожиданно умерла.

– Ну, ты, летающее полено. – обратился к ней человек.

Доска никак не отреагировала на грубое обращение, продолжая благодушно торчать в песке.

Человек осторожно поднял её.

– Занятная, однако, вещица. – пробормотал он рассматривая коварный кусок дерева.

На плоскостях, с обеих сторон, имелись какие-то значки. К безмерному своему удивлению человек понял, что они означают. Кто-то таинственный там начертал: «Мир». Это с одной стороны. С другой же, было начертано – «сознание».

– Ну, этого вот, я совсем и не понял, – покачал головой нашедший, – что это – факт или пожелание? Хотя, по чести говоря, не понял я и остального. Ну, что ж, есть смысл пойти и разобраться с этим самым миром и его сознанием. Мы еще посмотрим, кто здесь живой, и кто здесь мертвый.

Тут он ехидно усмехнулся и с криком – Ийех! – вновь зашвырнул доску прямо в голубое небо.

Картина в точности повторила предыдущую – человек с ослом носились по пустыне уворачиваясь от преследующей их доски.

– Это аллегория какая-то. – сказал некоторое время спустя человек вновь поднимая летучую доску. – Только какая – я ещё в суть ее не въехал.

Он внимательно посмотрел на красно-желтого осла и спросил.

– Эй, непарнокопытное! Ты со мной или сам ты по себе?

Животное так же внимательно посмотрело на человека и, высоко подпрыгнув, как играющая антилопа, на четырех ногах сразу, встало рядом с человеком. «Нет, не осел» – все же решил человек, взглянув на стать животного. Так они и пошли рядом, легко перебирая шестью ногами, и ветер выдувал шесть струек пыли из-под этих шести непарнокопытных ног.

Что? Почему шести непарнокопытных? А кто сказал, что человек парнокопытное? Софистика, конечно, но и не придержишься.

Человек осматривался с все возрастающим любопытством, хотя, прямо, скажем, любопытствовать было нечего особо – песок, он и есть песок, а не что-либо иное. Несколько раз человек запускал в небо доску, что вносило некое разнообразие в их путь и вызывало сильное возмущение у четвероногого спутника и взрыв веселья у двуногого.

Закончилось сие развлечение весьма неожиданным способом – после очередного броска доска исчезла. Нет, ну она не исчезла, конечно, – чудес на свете не бывает, просто она из полета не вернулась, в чём нет ничего чудесного. Последний раз человек видел доску на фоне солнечного диска, лучи которого ослепили его и он не заметил куда упала доска и подождав некоторое время он легкомысленно махнул рукой и направился далее. Отстраненность небытия, вначале заполнявшая его глаза, постепенно полностью исчезала, испарялась, истаявала, и глаза все разгорались и, наконец, засияли детским радостным и почти щенячьим удивлением.

– Послушай э..э...э ну, скажем, приятель, – обратился он к спутнику, – какая неожиданная мысль, так же неожиданно пришла мне в голову.

И он начал декламировать, размахивая в такт ладонью, а в конце каждой фразы поднимая вверх палец:

- Если смерть моя – есть факт.
- Значит это рай или ад.
- Если же не различить.
- Этого не может быть.
- А к этому добавить можно.
- Слова, которые сказал Сократ:
- Я мыслю, – значит невозможно,
- Чтоб смерть моя была бы факт.
- Но, если б я подумал дольше,
- Пред тем как это написать,
- Сказал бы совершенно точно:
- Слова сии сказал Декарт.

(текст стихов автора)

– Ну как? Здорово, правда? – осел затряс башкой и агрессивно наподдал задними ногами, выбив из почвы клуб пыли. – Ты так считаешь? А мне понравилось. Нет, ну не Илиада, конечно, но хорошо хотя бы тем, что доказывает наше с тобой существование, а иначе, как ты хошь, но придется считать тебя Хароном, а я представлял его несколько иначе, или вообще Сатаной, не дай бог, конечно.

Произнеся эту ахинею, человек развеселился и проскакал несколько метров на одной ноге, а затем на другой, потом повторил все заново, только двигаясь спиной вперед, глядя на своего спутника и улыбаясь, но долго он молчать не мог и снова затараторил.

– Отчего же ты не спрашиваешь меня, друг мой (чудак уже подружился, в одностороннем, пока, порядке, с неизвестным животным), куда мы идем? Ну, спрашивай, спрашивай! Прочему не спрашиваешь? – осел фыркнул, мотнув головой. – Так вот, я тебе на это, совершенно прямо отвечаю – да, почему я не знаю! А вот почему мы идем туда, именно в этом направлении, тут я отвечу более определенно. Понимаешь ли, – человек многозначительно поднял палец, – во всех направлениях, ну ни черта не видно, а вон там впереди виднеются холмы, скалы или нечто подобное и поэтому из ничего и нечто я выбираю нечто. Осмотрим ка, все эти геологические вывихи природы.

Так весело болтая друг с другом, причем человек взял на себя фонетическую часть разговора, а осел, старательно заполнял собой паузы (то есть производил обильное молчание), дошли до скал и углубились в ущелье имевшее наклон вниз. Человек очень заинтересованно разглядывал стены ущелья, в большом возбуждении подбегал к обрыву, рассматривал, что-то шептал, гладил руками и наконец, выдал:

– Пейзаж очень живо напомнил мне геологические формации девонского периода. Ты, конечно, скажешь, что такого не может быть, и я с тобой тут же соглашусь – не может! Ну, ни фиги себе, – человек и осел в девонском периоде! Но, в принципе, сие возможно, если еще мы выйдем к водоему, а его присутствие уже явно ощущается по влажности и запаху тины, к этаким какой-нибудь идиллической лагуне, сплошь заросшей астероксилонами и прочими риниофитами то...

Ущелье, без всякого предупреждения, уперлось в рощу огромных пальм с широкими и густыми перистыми листьями на верхушках. Пальмы росли довольно часто, напоминая колонны храма, резные листья слегка шевелились вверх, разгоняя жар солнца и отбрасывали вниз зеленоватую полутьму.

– Так, на все что я тут наговорил, срочно и громко плюнуть и больше не вспоминать – сделал вывод человек, безуспешно пытаясь обхватить руками пальму – вот это вот есть финиковая пальма, а там вверх имеются финики – он посмотрел на осла что-то выбирающего в траве и жующего – ну и внизу тоже. А насчет реки я не ошибся, очень уж ясно чувствую ее присутствие и это хорошо, ибо она есть мать всего живого. Однако, что это?

Из глубины рощи доносились какие-то звуки, но не обычный шум ветра или скрип песка, а нечто иное.

– О боги, – прошептал человек, – а я знаю, что это такое – это, дружище, музыка, а ну пойдем, посмотрим, но только тихо – тс-с-с.

Они прокрались, прячась за стволами пальм, и попали в заросли гибискуса, – кустарника с огромными, в четверть метра, красными цветами, – за которым уютно расположилась небольшая лужайка, а на лужайке, как яркие бабочки на цветах, расположились девушки. Две, в легких белых и полупрозрачных одеяниях, сидели в креслах за столом, и у каждой за спиной стоял черный гигант с широким опахалом.

Перед ними играл веселую мелодию камерный оркестр. Арфистка сидела на одном колене, положив, похожую на длинный лук, арфу на плечо и уперев другой конец в землю, а из-под пальцев ее со звоном стекало серебро. У другой из длинной флейты вылетал веселый ветерок и вился меж сидящих. У третьей лютня, то звенела как комар, то, как шмель гудела, у четвертой же на шее висел длинный барабан и негромкий ритм сыпался из-под ладоней.

Перед оркестром танцевали три девицы, но танцевали как-то странно – не двигаясь совершенно с места, а только изгибая тело и извивая и поднимая вверх руки.

Все танцующие девы были оливково смуглы, черноглазы и черноволосы. Одеты в полупрозрачные одеяния и хоть и были видны сквозь них целиком, но и нельзя было сказать, что они неодеты.

– О, прекрасные девы! – с чувством произнес человек. – как я рад...

Стоп! А собственно, что это все человек, да человек? Раз уж показались другие люди, пусть будет одинокий путник. Минутку, почему же одинокий, а осел? Просто путник и иногда бродяга, ну а дальше будет видно. Итак...

– О, прекрасные девы – с чувством произнес одинокий, с ослом, путник, выходя из кустов и забыв, что он наг как младенец, хотя на младенца не похож. – как я рад, что у вас тут, на том свете, так чудно весело и вы такие все, ... а куда же вы, в самом деле?

Увидев голого незнакомца, да еще огромного осла, высунувшего из кустов жующую морду, все девицы дружно завизжали, причем флейтистка завизжала во флейту, выдав такой звук, который ни до, ни после, за всю историю музыкального искусства, никто повторить

не смог и в веселом испуге разбежались. Две дамы, сидевшие за столом, кокетливо порскнули за кресла, игриво мотнув волосами, одна угольно черными, а другая соломенно-желтыми и теперь блестели оттуда глазами.

Два чернокожих мордоворота направились к незнакомцу, который с интересом смотрел на них, радостно улыбаясь и, когда первый из подошедших протянул к нему огромную растопыренную лапу, неожиданно плюнул в нее и с подвизгиванием засмеялся, глядя на удивленное лицо негра. Причем засмеялся настолько искренне и энергично, что даже присел от смеха, кстати, очень вовремя, потому что удар, нацеленный в лицо, просвистел мимо, а следом за ударом пролетел и негр. Далее произошло нечто сумбурное и невнятное, обильно сдобренное мельканьем рук, ног и тел. Бродяга совершал какие-то нелепые и неуклюжие движения, отчего постоянно спотыкался, дергался как ненормальный, падал, переворачивался, в итоге оба негра оказались на земле. Один на заднице, другой на четвереньках и оба тяжело дышали.

Осел, наконец, перестал жевать, что-то пробормотал, весьма невнятное, и, вытянув шею, куснул за задницу стоявшего на четвереньках черного парня, затем, оскалив длинные желтые зубы, потянулся ко второму, однако нападавшие отступили в противоположный конец лужайки, большую часть пути, пробежав на четвереньках, а наш знакомый направился к столу.

– Слушай. – обратился он к ослу. – Как-то нам здесь совсем не рады.

Он подошел к столу и отщипнул крупную бело-зеленую виноградину. Две девушки, оставшиеся за креслами, по-прежнему старательно пугались, но внимательно рассматривали бродягу, весело округлившимися глазами, особенно область ниже живота.

– Не чувствую я никакой заботы, – продолжал бродяга, – или элементарного гостеприимства.

Тут он обратил внимание на девушек, упорно выдвигающих между собой и им кресла.

– А смотри-ка, как порозовели эти девы, наверное, им очень жарко. – с этими словами он поднял опало и несколько раз махнул так, что волосы девиц затрепетали, как на штормовом ветру.

Внезапно бродяга остановился, будто пораженный какой-то мыслью.

– Послушай, длинноухий друг Харон, что ж ты мне сразу не сказал – ведь я весь голый! Вот неожиданность, какая. Простите, дамы, должен вас покинуть.

Вежливо поклонившись, он степенно, с достоинством пошел прочь, однако, через несколько шагов остановился, вернулся к столику, хлебнул еще изрядно вина (уж очень ароматный был напиток, трудно было удержаться), и вновь проследовал к кустам, дав дамам возможность полюбоваться обнаженной натурой. Перед самыми кустами он, однако, взмахнул руками и с такой скоростью шучкой прыгнул внутрь, что сначала исчез, а уж потом в мире образовался шорох.

– Между прочим, – некоторое время спустя невнятно произнес бродяга, жуя фрукты, – у меня есть две новости: одна из них первая, а другая, надо полагать, будет вторая. Начнем, как водится, конечно, со второй, – фиги, ну их на фиг, еще не совсем спелые, в чем убедиться можешь сам. – он сунул ослу пару штук и тот начал задумчиво жевать, – теперь новость первая, – тут неподалеку, ну совсем недалеко, мною замечена небольшая группа представителей моего вида, то есть Хомо сапиенс, и заняты они обычным для сапиенсов делом, а именно, – все сапиенсы, скопом, бьют сапиенса же, одного и, знаешь, – странник уважительно повел подбородком, соорудив многозначительную физиономию, – судя по всему, они достигли высокой степени разумности и цивилизованности, ибо тот, которого нещадно так метелят, не сопротивляется совсем. Даже не пытается. А все это является свидетельством чего? – философствующий бродяга многозначительно поднял вверх палец и закончил, – является свидетельством наличия закона. Давай-ка посмотрим на эту в высшей степени занимательную и поучительную картину поближе, но из соображений конспирации, а так, же и субординации, одному из нас

придется ехать на другом верхом, а, то народ нас, знаешь ли, не поймет. Нет! Нет, нет! – со смехом закричал бродяга, добродушно стукнув животное кулаком в морду. – Ты все совершенно неправильно все понял! Все, с точностью, до наоборот. Ух ты, падла!

Это было не следствие невоспитанности, а просто естественная реакция на жестокий укус в ляжку.

Достойный Ноффри, со сложенными смиренно на животике ручками, наблюдал, как сборщики налога весело, с шутками и прибаутками, доказывают спине счастливого Нехри выгоды государственного строя и так увлеклись, что чуть не пропустили начало следующего события.

А оно было уже вот оно.

– А что это вы тут делаете, о, священные гамадрилы Осириса?

Фраза возникла как-то ниоткуда и, видимо, оттуда же, ведь только что ничегошеньки же не было, возник красный осел и сидящий на нем, почему-то боком, бродяга, весело скаливший зубы.

– Езжай своей дорогой, сын вонючего шакала и смердящей же гиены. – миролюбиво ответил и одновременно напутствовал Ноффри.

– О, великий господин! – ответил бродяга, вытаращив бесстыжие глаза. – Я, вообще то, и еду своей дорогой, но вот мой друг, – он указал на осла, – ищет, утерянную на бесконечных полях истории, родню, и позвольте вас спросить: не является ли ваш отец, ему дедушкой двоюродным?

– А? – удивился достойный сборщик налогов, полагая, что ослышался. – Чего?

– Я просто интересуюсь – какашки моего осла, по материнской линии, вам, не родня ли?

Ноффри вытаращил глаза и раскрыл рот, затем повернулся к стражникам и махнул рукой.

Стражники, весело улыбаясь, подошли к, так же улыбающемуся, бродяге и один из них добродушно засветил ему под глаз и бродяга, по-прежнему улыбаясь, дрыгнув ногами, свалился с осла на противоположную сторону, откуда донесся его удивленный возглас:

– Ну, ни хрена себе, как больно! Ведь не должно же!

Кстати, когда он кувыркнулся с осла, то (ну совершенно случайно), задел пяткой, дрыгнувшей ноги, подбородок одного из слуг закона, отчего, тот расслабленно и умиротворенно расположился на земле, на некоторое время, прекратив воспринимать реальность как факт.

Осла, который был тут ну совершенно не причем, перепоясали ни за что, ни про, что, палкой и он, задрав вверх морду, издал возмущенный и визгливый вопль и наподдал копытами задних ног в брюхо одному из стражей и тот ыкнув, согнулся, и пошел куда-то в сторону, потеряв всякий интерес к происходящему. Наверное, у него случилось расстройство желудка, или, не дай бог Ра, приступ язвы.

Тут на сцене вновь объявился бродяга, все еще не пришедший в себя от удивления.

– А почему так мне больно? – вновь спросил он весьма удивленно.

– Щас, подлечу, Исиду твою мать. – ответил один из надсмотрщиков, замахиваясь палкой.

Бродяга нырнул под брюхо осла и оказался по другую сторону, а палка, повинувшись щедрому маху надсмотрщика, с характерным стуком встретила с головой другого стража. Оставшиеся с разъяренными криками кинулись на бродягу, который, уворачиваясь от многообещающе гудящих в воздухе палок, принялся бегать вокруг осла, которого эта суэта привела в крайнее раздражение и все его четыре копыта с такой скоростью замелькали в воздухе, что все сборщики налогов закончились, не успев пробежать и одного круга.

Схватка же господина Ноффри с незнакомцем, красочно, но не вполне достоверно, описанная им впоследствии, выразилась в том, что тот последний долго гнался за господином Ноффри с мотыгой в руке и с криком:

– Стойте, стойте, господин мой... последний штрих... дайте-ка я вас мотыгой хорошенько опояшу... ну чисто символически... иначе не будет логической законченности ... в сцене!

Бродяга сильно поднажал, догнал-таки чиновника и со смаком, как раз на слове «в сцене», гулко приложился мотыгой по спине, что, однако, только прибавило прыти господину Нюфри, удалившемуся вдаль со скоростью антилопы гну. Нет, увы, мотыга не переломилась, жаль конечно, было бы очень колоритно, но чего не было, того не было. Врать не будем, а наоборот, придерживаясь будем естественного хода событий и без преувеличений. Только голая, нагая прекрасная и бесстыжая, правда.

Есть у кого сомненья в правде? Ну и отлично. Так вот, идем дальше...

Глава вторая. Откуда здесь Египет!?

Смачный удар мотыгой по чиновничьей спине произвел, как раз очень сильное действие на нашего бродягу. Он остановился на всем скаку, будто налетел в темноте носом на дерево, устался куда-то вдаль, выронил мотыгу, завертел в растерянности головой, что-то забормотал, разводя руками, тыча вперед пальцем и оборачиваясь назад, то ли желая спросить у кого-нибудь объяснений, то ли призывая разделить с ним безмерное удивление. Наконец, он плюхнулся задницей на землю, точнее на грядку лука (для тех, кто любит точность), нервно засмеялся, сорвал пучок перьев зеленого лука и автоматически сжевал.

Бродяга наш настолько увлекся политико-экономической жизнью страны, что у него просто не было времени глянуть вокруг. А вот это зря, ибо посмотреть-то было на что, более того, это было единственное место, где на это можно было посмотреть. Более того, это было единственное в мире место, по которому много тысяч лет опознают планету Земля и еще много тысяч лет, по нему, будут ее опознавать. Путник увидел, а практически ткнулся носом, в самый характерный признак нашей планеты. Прямо в эти самые три сооружения.

Итак, по порядку.

На широкой зеленой долине, тянувшейся с юга на север, томно раскинулась река, лениво несущая свои воды в том же направлении, с берегами, густо заросшими водной растительностью, с песчаными отмелями, высунувшими из воды свои желтые спины. На песке чернели какие-то обломки скал, похожие глыбы нежились и в воде, иногда исчезая и вновь появляясь, меж ними по песку и воде расхаживали голенастые, клювастые и длинношеи птицы. Из зеленых зарослей вылетали и обратно прятались стаи других птиц. В долине паслись многочисленные стада разнообразных животных, и суежилась масса народа. Одна часть работала – жала, веяла, собирала, а другая часть, этого народа, с палками бегала между ними орала, размахивала дубинками, после чего, третья часть, споро погоняла караваны груженных ослов. Виднелись отряды воинов со щитами и копьями, в воздухе летал крик, гомон и ор. С первого взгляда было и не понять, что собственно происходит, то ли люди работают, то ли дерутся, то ли сражаются, то ли занимаются грабежом с разбоем. По всей видимости, это и была та самая пресловутая битва за урожай в самом прямом смысле слова.

Все это бродяга охватил единым взором, но не это повергло его в изумление.

Другой половиной того же взора охватил он и город на противоположном берегу, чуть выше по течению, будто явившийся из сказок Шехерезады. Он тянулся на юг и на север вдоль реки, постепенно понижаясь зданиями и увеличиваясь их числом и далее, насколько хватал глаз, город щедро разбросал по полям и лугам деревни и усадьбы. Громадная стена снежной белизны, на фоне зелени лугов и черноты земли, опоясывала комплекс дворцов и храмов, мощные колонны которых были видны и снаружи даже из-за титанической стены. Широкая мощеная дорога тянулась от каменной набережной к белой стене, распахив в стороны прочие строения, и упиралась в сверкающие медные ворота. Над стеной реяли флаги и вымпелы на высоких мачтах. Без слов было ясно, что именно там, за этой стеной и есть центр города и центр власти, возможно, всей страны, протянувшейся на многие километры.

Но и не это поразило странника жующего пучок зеленого лука и сорвавшего еще один.

В полутора километрах от белой стены начинался подъем от речной долины на равнину, тянувшуюся бог знает куда на запад, на север и юг.

На этой самой равнине, где по замыслу божьему не должно бы быть ничего больше и выше булыжника, кто-то, с милой непосредственностью, раскидал утесы и горы, на юг и на север, насколько хватал глаз. Этот кто-то, старательно выверил ребра утесов, тщательно отполировал грани, любовно обложил их белым известняком, а некоторые для разнообразия темным гранитом и, подумав немного, водрузил на каждую вершину массивный золотой тре-

угольник, в настоящий момент, ярко сиявший в лучах солнца. Каждую скалу заботливо окружил стеной и декорировал гипостильными храмами. Затем он, наверное, со вздохом удовлетворения вытер руки, отступил на шаг, любясь сотворенным, и счел себя равным богам. Кстати, совершенно не подозревая какой ажиотаж его творенья вызовут впоследствии.

Бродяга даже поежился слегка, представив, что неведомый строитель возьмет, да как выйдет сейчас из-за своих титанических сооружений. И чего тогда?

Ослиное фырканье над ухом вывело бродягу из состояния прострации, во время которой он, впрочем, объел весь лук вокруг себя.

– Ну, и что ты на это скажешь? – обратился он, наконец, к своему спутнику, пристроившегося к виноградной лозе. – Ах, вот ты как! Ты, может быть, предполагаешь, что эти белоснежные гиганты – это снега Килиманджаро обещают нам желанную прохладу? Или священные снега Канченджанги зовут отречься нас от суетности мира? Нет, нет и нет! со своей стороны могу сказать, что теперь я точно знаю, где мы находимся (еще бы я не знал!) и даже приблизительно, когда мы там находимся и, вот, это последнее, вызывает у меня нешуточную тревогу.

Бродяга неожиданно визгливо рассмеялся, шлепнув по земле ладонью.

– А что я там плел насчет реки – матери всего живого? Эту-то реку называют как раз наоборот – отцом, священным Хапи, а вот насчет приключений мы с тобой не ошиблись, у нас их будет здесь полная задница. Даже две задницы. Ну, почти что, – полная жопа!

Весельчак, наконец, поднялся, осмотрел себя, хмыкнул, и сказал:

– Опять я щеголял перед обществом, как свежесвырожденный младенец. Итак, перед нами стоит насущная проблема, требующая срочного разрешения. Нет, ну не разгуливать же в таком виде, в самом-то деле...

Странник развел руки в стороны, продемонстрировав в каком именно виде.

– Нет, в нынешнем сезоне такой фасон не в моде и может вызвать ненужный ажиотаж, а нам он вовсе ни к чему. Надо хоть немного пополнить свой гардеробчик. Стараться надо, так же, избегать нам всяческого фурора. Кстати, вот я вижу и решение этой проблемы – оно, сейчас, прошло к реке, к тому самому, отцу всего живого, если помнишь, и в настоящий момент находится вон в тех камышах. Пойду ка, – бродяга щелкнул пальцами, – и разживусь я кой-каким бельишком, а ты стой смирно и смотри, не ввяжись в какую-нибудь хреновую историю дурную, как обычно за тобою водится на самом деле.

Почтенный Хенусет, устав орать, на работающих в поле, в поте лица, бездельников, спустился освежиться к реке. Он намочил ладони, похлопал ими по бритой лысине, как вдруг из тростника неожиданно, как-то очень уж сразу, появился некто, с радостной улыбкой на лице, с по-детски ясными глазами, одетый абсолютно ни во что, то есть совершенно голый, и сразу же затараторил, активно жестикулируя руками, а так же еще и пальцами:

– О, господин, я вижу, собрались вы совершить святое омовенье, позвольте же помочь раздеться вам.

Жутковатое порожденье тростника подошло к почтенному Хенусету, неожиданно почувствовавшему слабость в коленях, и принялось развязывать узел на его юбке, предварительно сравнив ладонью рост Хенусета со своим. Вертя бедолагу во все стороны, нахал приговаривал:

– Так, немного повернитесь, сюда, теперь, вот сюда, вот здесь развяжем узелочек, а что это так пучим мы свои глазенки, нет, нет! вот ручонками своими сучить не надо, вы только мне мешаете и ротик надо бы закрыть, а то я поцелую вас сейчас и прямо в десны. Ну, вот и все! А делов-то!

И, действительно, почтенного, Хенусета раздели с такой скоростью, с какой ему не удавалось раздеть ни одну крестьянку. Ничего не соображая, кроме того, что его опустили... о, нет, это просто оговорка, до этого дело не дошло! Достойного старосту просто отпустили! Хенусет кинулся прочь от реки и от... от Сет его знает от кого.

– Куда же вы, мой сладкий, – не мог не крикнуть наглец, – а ритуальное-то омовение? Что, так и будешь бегать, в натуре блин, засратым поросенком?

Но бедняге было не до древних суеверий, достойный, в недалеком прошлом, а ныне просто голожопый, Хенусет неся по полям и нивам со скоростью плевка и, работающий в полях люд, прекращал работу и внимательно смотрел на сверкающую задницу представителя местной администрации. Женская часть наблюдателей округляла глаза, прикрывала рты ладошками и, опуская, загадочно, головы улыбалась, мужская часть, чесала затылки и ухмылялась. Свое-нравный осел, все же приперся, козел ослиный, вопреки приказанию, и, высунув из тростника голову, тоже наблюдал поучительную картину.

– У-ы-mmm-да, как-то не очень красиво получилось, – сказал грабитель, с грустью глядя на несущегося по полям голозадого, Хенусета, – и что я там молот о поцелуях? О них тут, вообще, ничего не знают, а, впрочем, как говорили древние, есть время рубить лес и есть время разбрасывать щепки, а уж целоваться мы их научим.

Некоторое время, бродяга, крутил и так и сяк кусок материи вокруг бедер, фыркал, шипел и плевался, как раздраженный и озлобленный на весь мир кот, дергал судорожно ногами, бормотал что-то насчет штанов, размахивал раздраженно руками и, в конце концов, с грехом пополам накрутил что-то более или менее удобоваримое на свои чресла и подойдя к самой воде, сказал:

– Нас ждет освежающее купание в прохладных водах, ибо необходимо переправиться на противоположную сторону, где вот уже почти пять тысяч лет, нас ожидают удивительнейшие приключения, ...а куда это ты все время смотришь? Я для кого тут, ешкин кот, распинаюсь, братишка, непарнокопытный?

Странник проследил за взглядом осла и уперся прямехонько в живописную группу крокодилов отдыхающих на отмели, украшенных сидящими на спинах оранжево-белыми цаплями и иссиня-черными серпоклювыми ибисами.

– Ха! Ха-ха! Ха-ха-ха-ха! – развеселился он. – Друг мой, пусть тебя не беспокоят эти переросшие жабы-акселлераты. Неужели ты думаешь, что с нами может что-нибудь случиться, когда все только-только началось? Какой тогда во всем этом смысл, ну сам подумай? Вперед, вперед, навстречу удивительной судьбе... дьявол, мне опять придется наматывать юбку, вот это действительно меня пугает не на шутку!

Ближе к вечеру, когда оранжевый диск Атума направлялся в страну Запада, жители великого города, находившиеся в этот момент на набережной Иб Усир, увидели, как из священных вод великой реки выплыл незнакомец, весьма неопределенной и очень подозрительной национальности, да еще с большим ослом в обнимку и весело им всем, молча, крикнул:

– Привет вам братья египтяне!

Затем вылез на набережную и, воздев вверх руки, с чувством произнес, по-прежнему, не открывая рта:

– Счастливы глаза мои, увидевшие великий город! Блаженны ноги мои, ступившие на святую землю.

Потом, счастливо улыбаясь, тщательно обтер об землю левую ступню от свежепроизведенного коровьего блина и, глядя на четыре пирамиды, возвышающиеся невдалеке, трижды чинно осенил себя крестным знаменем и степенно поклонился земным поклоном.

– Приветствую вас, древние сооружения, рад видеть вас в первозданном виде.

Затем, из-под ладони, он посмотрел на два огромных обелиска, возвышающихся далее к северо-западу, и, перекрестившись еще раз, пояснил, обращаясь, к онагру:

– Священное сие место называется Абусир. И перед глазами мы имеем пирамиды фараонов пятой династии – Сахура, Ниусера, Неферикара и Ранеферефа, а далее два – солнечных храма, с сорокаметровыми обелисками, устремленными в небо.

Грандиозно!

Тут он обратил внимание, что все общество, собравшееся на набережной, прекратило свои повседневные дела. Установилась необычная, для скопления людских тел, тишина, только издали доносилось коровье мычание, овечий и козий блей и мелодичное верещание стрижей в вышине. Все поголовно уставились на бродягу.

– Друзья мои. – бродяга протянул вперед руки и шагнул навстречу египтянам. – сейчас я все вам объясню...

Тут он замолчал, не успев закончить мысль, начатую в таком мажорном ключе, потому, что понял, что объяснить то, он ничего не может, поскольку и сам ни хрена не понимает. Но это-то еще и ничего – сотни мудаков, во всем мире, постоянно что-либо объясняют постоянным, сами, ни фиги не понимая, но бродяга вдруг сообразил, что его собственная биография полностью вмещается в ближайшие час-полтора – ну, может быть, два!

– Оп-па! – несказанно удивился пришелец, но тут же нашелся. – Друзья мои, а давайте лучше – вы мне сами все объясните.

Однако, люди от, направлявшегося к ним, пришельца, попятились, а некоторые уже стали подбирать камни и куски засохшей глины.

– О-о-о! У-у-у! – разочарованно протянул бродяга, покачав головой. – как все тут у вас густо заросло невежеством и ксенофобией, а ведь...

Но тут и минорная мысль прервалась на половине, ибо бродяга вдруг осознал, что он... ешкин кот!

Он говорил молча!

Слова его, судя по физиономиям, все слышали. Он и сам их прекрасно слышал, но вот рта-то он не раскрывал.

– Так. – прошептал он на ухо онагру. – Не привлекая внимания, тихо и незаметно, удаляемся в сумерки вечерние.

Он вскочил на своего четвероногого спутника задом наперед, шлепнул его ладонью и, вытянув успокаивающе вперед ладони к смотрящим на него людям, действительно удалился в просторы Египта.

Ближе к вечеру достойную пару можно было видеть уже не вдалеке от сказочного города. Они продвигались среди полей, огородов и садов, с интересом всматриваясь в кипучую жизнь Страны Реки.

А жизнь кипела, ибо было время жатвы. Жнецы серпами жали пшеницу, за ними шла босоногая детвора и вязала срезанные стебли в снопы. Где-то гоняли волов по кругу, обмолачивая колосья, а женщины в белых льняных сарафанах, спрятав иссиня-черные волосы под косынками, деревянными лопатами подбрасывали зерно вверх, освобождая его от попоны уносимой ветром. Тащили в корзинах огурцы, связки лука, чеснока. Чуть дальше от реки, ближе к плато, шел сбор винограда. Чернокожие таскали громадные корзины, доверху наполненные сочными полупрозрачными ягодами. Им помогали работать люди с палками и с плетками.

Путники то ехали по дороге среди полей, то сворачивали на тропинки среди тенистых рощ инжира, каштанов и финиковых пальм. И на полях, и в рощах им встречались упитанные люди с прижмуренными кошачьими глазами, поднятыми вверх подбородками и выпяченными нижними губами. Их сопровождали два, три или более вооруженных палками людей. У этих тоже началась страда. То здесь, то там путник видел их работу: кого-то тащили за волосы и пинали ногами, кого-то растянули за ноги и за руки прямо на поле и охаживали палками по спине и по пяткам, а одного вообще привязали за ноги и засунули головой в колодезь. Было во всем этом нечто до боли знакомое.

– Мы с тобой, дорогой мой, наблюдаем налоговую систему в действии. Видишь ли, бог создал человека, об этом даже и не будем спорить, но вызывает недоумение тот факт, что плату,

за сей акт творенья, собирает, почему-то, государство, в облике чиновника. – прокомментировал странник.

Встречались иногда небольшие паланкины, несомые четырьмя или восемью чернокожими; у некоторых с каждой стороны шли веероносцы, иногда носильщики заменялись ослими; в таких случаях физиономия ездока источала чуть меньше презрения, высокомерия и недопустности. В некоторых паланкинах располагались женщины, такие же высокомерные, с фарфоровыми, неподвижными лицами; правда, некоторые из них, увидев странника, с интересом поглядывали на него из-под черных челок оливковыми и чуть раскосыми глазами. В таких случаях путник прикладывал левую руку к сердцу и вежливо наклонял голову, вызывая легкую улыбку или легкомысленный смешок. А одна дама так сверкнула на него, из-под густой, черной, гривы, огненными глазами, что он с трудом удержался на осле, и тут уж приложил и правую руку к сердцу. Дама фыркнула в кулачок и сделала ему пальчиками. Когда же он проезжал мимо работающих крестьян, с интересом глядя на их деятельность, те тут же бросали работу и кланялись ему земным поклоном. Путник отечески улыбался им и, благословляя их, то двоеперстным, то троеперстным, крестным знамением, приговаривал:

– Мир вам, дети мои. Мир вам. Трудитесь во благо... во благо страны родной...

Надо сказать, что черноволосые, черноглазые, смуглые, с оливковым отливом кожи, полненькие женщины, произвели на странника весьма благоприятное впечатление, а чопорные, заносчивые, или, напротив, раболепные и покорные, мужчины, как раз наоборот – ну, совсем не понравились. Первые из них окидывали странника злобными недружелюбными взглядами, либо вообще смотрели как бы сквозь него, а вторые совсем прятали свои глаза.

Впрочем, один раз на него все же обратили внимание. Мимо него легким галопом двигалась процессия из восьми чернокожих с носилками, двух слуг и четырех воинов с копьями, луками и прямоугольными щитами. Неожиданно они остановились на полном скаку, повинувшись окрику из носилок. Едущие навстречу на ослах трое, вполне респектабельных жителя страны, тут же прытко скатились с ослов и уткнулись лицами в пыль. Сидящий на носилках полный человек, с надменно вывернутыми полными губами, живым взглядом и неестественно густыми и длинными волосами, сказал что-то, а точнее фыркнул, ткнув в странника пальцем. Тут же один из слуг взял подмышку палку, рысью подбежал к путнику и сказал:

– Мой господин, – слуга почтительно указал ладонью в сторону господина и отвесил туда же поклон, – желает купить твоего осла. – тычок палкой по направлению предмета разговора. – Назови свою цену, и господин заплатит, столько, сколько ты захочешь, но, разумеется, намного меньше.

– И твоему, достойному господину, от меня привет. Передай ему, что это не осел, а мой друг и собеседник. Я и осла то фиг продал бы, а уж друга-то, – тем более не продам... да, ни за что на свете! Ну, если, конечно, условия не будут уж очень соблазнительны.

Слуга тут же развернулся и, подбежав, передал слова господину. Тот дернул головой, будто на нос ему села оса, и выпученными глазами уставился на странника, затем неожиданно повалился на носилки и захохотал с какими-то подвизгиваниями. При этом он так дрыгался и корчился, что вдруг неожиданно полысел – густые волосы оказались париком. Продолжая корчиться и взвизгивать, хохотун пнул одного негра ногой, второго хлестнул париком, и процессия поскакала дальше, правда, через несколько метров остановилась, и все тот же слуга прокричал:

– Эй, ты, придурок! Господин просил передать тебе, чтобы ты не ездил на своих друзьях верхом, а то ведь, люди будут принимать их за ослов.

Бродяга некоторое время рассматривал своего осла и вдруг, словно что-то вспомнив, хлопнул себя ладонью по лбу.

– Вспомнил! – воскликнул он, полностью подтвердив предыдущее предположение. – Конечно же, ты не осел, друг мой! Сам я осел, понимаешь, что сразу не узнал тебя. Но ты

и не лошадь, – ты самый настоящий онагр! – самое быстрое и самое выносливое на свете существо, из тех, что ходят по земле ногами.

Они продолжили свой путь дальше к югу, где в лучах заходящего солнца сияла белизной высокая стена, с возвышающимся за ней ступенчатым зеленым холмом. Двигались они ближе к пологому подъему на плато, простирающееся далеко на запад. Мимо проплывали усадьбы окруженные стенами. На воротах трепетали вымпелы. С заходом солнца в узких окнах засветились огни, послышались звуки музыки и пения, смех, в окнах метались тени. В ворота помещий вносили носилки.

Бродяга широко раскрытыми глазами смотрел на жизнь таинственного города и беспрестанно вертелся на онагре, осматриваясь по сторонам.

Его привлекали обширные пальмовые рощи, скорее даже леса с густым пологом закрывающим небо. Его интересовали цветущие тамариски со свечками белых и розовых цветов, до которых он пытался дотянуться со спины своего четвероногого товарища. Он прислушивался к словам песен, вылетающих из окон, и удивлялся, что понимает их, и более всего удивлялся, что и здесь, в ушедшей тьме тысячелетий, люди пели о том же самом, что и в далеком будущем, и это его чрезвычайно обрадовало – значит, нет большой разницы, когда жить. Люди те же самые. Почему? Да, поют они о том же самом, о чем будут петь и через много тысячелетий – о любви к женщине, или о любви к мужчине, о любви к родине, о труде повседневном, а так же о сражениях и о героях. Да, ничего не изменилось! Все, все то же самое! Он слышал эти песни там, через четыре тысячи лет. Как же это здорово, что мы люди, так мало изменились. Как хорошо, что человеку будущего понятны чувства человека прошлого. Но если нам понятны чувства человека четырехтысячелетней давности, то, может мы и сейчас будем в состоянии понять друг друга?

Глава третья. Приключения в ночи

Уже в сумерках, миновав лес финиковых пальм, он оказался перед кварталом убогих сооружений и копыта онагра застучали по узким улочкам, вдоль глиняных стен, отделяющих неказистые домики от улицы. На стенах сидели многочисленные коты и кошки удивительного пятнистого окраса. Некоторые расхаживали, задрав вверх хвосты. Встречаясь друг с другом, они поворачивались боком, выгибали спины, наклоняли головы и начинали гнусаво подвывать. Часто из двух котов образовывался орущий клубок шерсти, сверкающих глаз и когтистых лап, сваливающийся со стены и продолжающий кататься по земле, после чего неожиданно вновь образовывались два стоящих боком и подвигающих кота.

Далеко внизу, у реки, у длинной каменной набережной, виднелись силуэты нескольких кораблей с высокой кормой, длинными веслами; там, в свете зажженных факелов металась бронзово-красные и черные фигуры, кто-то орал дурным голосом, повторяя какое-то одно слово, затем быстро добавлял три-четыре новых и приправлял все это винтовочным треском бича. Видимо, шла разгрузка припозднившегося судна. И, хоть от реки веяло желанной прохладой, путник не рискнул показаться там со своей неординарной внешностью. Теперь он, не торопясь, ехал по кривым улочкам таинственного города, слыша негромкий говор из-за одних стен, смех и веселые вскрики – из-за других, ругань и визги – из-за третьих.

Вскоре его занесло в странное место. Глинобитные дома стояли вплотную друг к другу и безо всякой системы, в милом беспорядке, образуя даже не улицы, а кривые и неожиданные, как мысли блаженного идиота, переулки, кроме того, узкие до невозможности. Кое-где стены убогих жилищ переходили в глиняную ограду, совершенно бессмысленную с точки зрения здравого смысла. Словно, кто-то, подобным образом, решил увеличить меру хаоса. Пару раз он вообще въехал в тупик.

Двигаясь по этому пыльному лабиринту, а, кстати, руки бродяги, раскинутые в стороны, почти касались стен темных жилищ, а окна призрачно светились темными дырками наверху, вместо окон.

Редко-редко, в каких дырах виднелся тусклый свет и смутные тени, и слышалось невнятное бормотание. Но бродяга шкурой чувствовал, что, почти из всех темных отверстий, на него смотрят внимательные глаза. Кроме того, он явственно слышал за спиной тихие шаги и иногда темные силуэты мелькали во тьме, быстрые и нереальные, как полет нетопыря. И ещё кое-какой звук приятно пощекотал слух путешественника. Что-то очень знакомое и недавно слышимое. Гудение какое-то. Он медленно обернулся назад и тут же заорал, сваливаясь с онагра: – Берегись!

Онагр скакнул в сторону, бродяга упал на землю, и над ним с гудением пролетела старая знакомая – доска «мир – сознание». Впрочем, пролетела она так быстро, что он не успел прочитать, что там было написано и написано ли вообще. Бумеранг завернул за угол и исчез из вида.

– О, какое таинственное место. – восхищенно прошептал он на ухо онагру, вновь забравшись на него.

Этот тезис тут же получил ещё одно подтверждение.

Из ближайшего окна на шею страннику свалилась петля и, захлестнув шею, потянула его вверх. Онагр, почувствовавший, что его ездок неожиданно воспарил в небо, с удивлением обернулся и уставился на своего путника, дрыгающего в вышине ногами, недоумевая, что это за развлечение он себе придумал.

– Таинственное и охренительно зловещее. – прохрипел бродяга сверху.

Он ухватил веревку над головой, рывком выкинул вверх ноги, зацепил веревку ступнями, затем согнувшись в поясе, вновь перехватил ее руками, ногами уперся в стену и всем корпусом

рванул на себя, словно подсекал большую рыбину – сома например или там акулу. Получилось неплохо – из окна и вправду вылетело тело, напоминающее задорно выпрыгнувшую из воды рыбу.

Ругательство, вылетевшее из окна вместе с телом, закончилось гулким ударом о землю и клубами пыли, почти невидимой в темноте, но заставившей бродягу, удачно приземлившись на ноги и руки, чихнуть два раза, а онагра фыркнуть.

– Уй, какое место-то зловещее. – оживленно прошептал бродяга, вновь садясь на животное. — Даже зловредное, сказал бы я.

После нескольких поворотов, перед парой, ищущей ночных приключений, возникли три тени, радушно обступившие двух бродяг.

– Друзья мои, – общительно произнес странник. – Не могли бы вы дать мне несколько уроков языка, мне хотелось бы избавиться от иноземного акцента.

Судя по легкому движению тени переглянулись.

– Браслеты, кольца есть?

– Честно сказать – и не было-то никогда. Увы, увy, увy...

– Тогда слезай с осла, сука белорожая.

– Ну, это-то не сложно, а дальше что?

– А дальше – вали отсюда дальше.

– И все? – безмерно удивился бродяга. – Как-то коротковат урок словесности – то. А? Вы не находите?

– Вали-вали.

– Да, пожалуйста. – согласился бродяга, покладисто удаляясь за угол.

Мечтательно глядя на глиняные термитники и поднимая ногами пыль, он прошел пару десятков метров, с удовольствием слушая крики и вопли, доносившиеся из-за угла, сопровождаемые резким визгом онагра.

Крики вскоре прекратились, а онагр недовольно фыркнул над ухом бродяги.

– Надо было хоть какую ни то плату взять за тебя. – сказал странник, добродушно потрепав спутника за шею. – Кстати, неоднократной продажей твоей личности, мой друг Харон, могли бы мы составить неплохой начальный капитал. Надо подумать на досуге – какую судьбу нам стоит выбрать – поэтов или олигархов. Будем воспевать наши эпические деяния или упрямся нашей мордой в финансовые проблемы.

Однако приключения на этом не закончились, напротив, они, видимо, только начинались и вообще этой ночью они произрастали, словно грибы после обильных дождей.

Вскоре, невдалеке, в хитром сплетении улочек, бродяга услышал топот, испуганный вскрик, а через пару мгновений ругательства, вслед за которыми вновь настала тишина.

Заинтригованный бродяга направился к месту событий.

К тому времени на востоке показалась здоровенная красная рожа луны, бросившая inferнальный багровый отсвет на глиняные стены, обращенные в ее сторону, а тьму в переулках сделавшая еще гуще. И, по сему, ночной странник с размаху наступил на что-то теплое и мягкое.

Нет. Это была не огромная кашка, которую мог бы произвести на свет божий, скажем слон, или там бегемот, или хоть тот же носорог. Ни один из этих благородных зверей не протиснул бы свой зад в этот переулок и, соответственно, не смог бы навалить этакую кучу.

В пыли валялось совершенно постороннее и, явно, человеческое тело.

– Товарищ. – вежливо потряс за плечо незнакомца бродяга. – Знаете ли, ни в коей мере не могу посоветовать вам, валяться подобным образом, особенно в таком-то месте. Ежели вы, конечно, до сих пор находитесь в живом, взаправду, виде. Товарищ!

Бродяга перевернул тело на спину и обнаружил, что обладатель сего, и вправду живой, но только так – чуть-чуть. Так, слегка.

Глаза у него выкатились, из горла вылетали хрипы, руки со скрюченными пальцами потянулись к горлу бродяги.

– Сука черномазая. – прохрипел бедняга.

А бродяга даже и не обиделся, только уточнил:

– Только что, меня обозвали белорожей тварью.

– Шлюха... малень...

Более уже что-либо добавить несчастный не успел. Тело его выгнулось, затем скрючилось, а дальнейшее бродяга уже наблюдать не смог, потому что из переулка выскочило несколько человек и радостно заорали:

– Смотрите – он убил Меху!

– Держи сволочь!

– Хватай падлу!

– Куда?! Стоять! Стой зараза!

Ага! Как же, как же! Сейчас! Вот прямо так, сейчас, и остановлюсь!

Меньше всего в этой ситуации бродяга собирался стоять и объяснять собственную невинность по поводу убийства, а по сему, он, с низкого старта, так резво рванул вперед, что не вписался в ближайший поворот и вынужден был пробежать по стене, после чего мгновенно скрылся за близь лежащим углом. И оказался в очередном тупике.

Сзади, слышался ободряющий топот, но бродяга бодро разогнавшись по переулку, перепрыгнул стену в самом конце тупика.

Никто из преследователей повторить подобный трюк не смог. Они начали было подсаживать друг друга на стену, но вовремя прекратили сие бесперспективное занятие, ибо очень хорошо знали первый закон движения – при равных условиях, убегающий всегда бежит быстрее догоняющего.

Кстати, и правильно сделали, потому, что странник с онагром, оказавшись у каменистого подъема на плато, обошли уже почти весь странный квартал.

– Нет. – говорил меж тем бродяга своему четвероногому попутчику. – Можно. Можно было бы, конечно, не убегать, а встать в позу героя-супермена и набить, вдвоем, им все ихние морды и, кстати, я уверен, что у нас с тобой это неплохо бы получилось. Но! Но давай, все же так, соблюдать законы жанра, и следить за сюжетной линией. Ну, намылили бы мы им хари! – и что? Дальше че? Стояли бы сейчас как два придурка над тем охлаждающим телом. Чего с ним делать? А? Не мумифицировать же, в самом деле. Лично я в этом деле ни уха, ни рыла. Стой! Тс! Прекрати болтать! – приложив палец к губам, прошептал бродяга онагру.

В египетской ночи прозвучал тихий, тоскливый плач. Прозвучал он где-то очень близко. Впрочем, таких звуков вокруг было предостаточно. Перекликались совы, совки, сычи и сычики. Их иногда заглушали шакалы. Но тут, следом за заунывным стенанием, послышалось пение. Ну не пение, а так – напевчик. Вроде как маленькая девочка пела какую-то считалочку.

Затем прекратилось и это.

– Ну, прямо жутко таинственная ночь. – прошептал бродяга.

Ему показалось, что он слышит легкие шаги, но, сколько не вертелся так и ничего не увидел. Однако, то, что здесь, в весьма подозрительном месте, бродит ребенок, да еще и девочка, показалось ему совершенно неуместным. Ребенка надо отсюда срочно забрать...

– Дяденька-а-а. – вместе с жалобным голоском плеча его коснулась чья-то ладонь.

Бродяга резво подскочил на месте и умудрился повернуться, еще не коснувшись земли, но из чего вылетело жалобное слово, заметил не сразу, а лишь когда прозвучали следующие слова.

– Дяденька, ты не обидишь маленькую девочку?

Говорила действительно маленькая чернокожая девчонка, вообще пигалица, около двух локтей ростом, ну может чуть больше. Потому-то он и не сразу ее заметил.

– Откуда ты? – удивился бродяга. – Прекрасное, и чернокожее, создание?

Девчонка подошла вплотную, стрельнула глазами по онагру и захлопала ресницами, видимо готовясь зареветь.

– Дяденька-а-а, ты не сделаешь мне больно?

– Послушай, не надо плакать. Скажи, что ты здесь делаешь?

– Да-а, а ты мне сделаешь бо-бо. – девчонка почти прижалась к страннику.

Онагр беспокойно фыркнул и переступил с ноги на ногу, а бродяга тоже беспокойно заерзал. Вот не акцентировала бы маленькая дурочка внимание на этом самом своем бо-бо, и все было бы нормально, а то и вправду хочется... ну все, все! Успокоились и пришли в себя.

Пигалица зашмыгала носом, смотрела беспомощными глазами лани и начала судорожно всхлипывать, по прежнему прижавшись к бродяге.

– Ну, не реви. Давай я отвезу тебя к маме с папой.

– Нет мамы и нет папы – я сирота. Никто не заступится за бедную сиротку.

Вот ведь! Она что нарочно?!

– Ну, где-нибудь ты же живешь?

Девушка закивала головой и ткнула пальцем куда-то на юг, в сторону проявляющейся, словно чудовищный призрак, в нарастающем лунном сиянии гигантской стены.

– Хорошо! Я отвезу тебя туда, куда ты скажешь.

Пигалица неожиданно вспрыгнула на спину онагра впереди бродяги, прижавшись к нему спиной, и сказала совершенно спокойным голосом:

– Ну, тогда поехали. Не чего здесь торчать как фаллос бегемота в период гона.

Онагр бодро застучал копытами, удаляясь от лабиринта домов-термитников. Кудрявая головка девчонки находилась как раз на уровне подбородка бродяги, и он удивился, почувствовав от маленькой пигалицы какой-то очень приятный цветочный запах и не только цветочный, а еще чего-то очень, как ему показалось, знакомого, но забытого. Спина пигалицы плотно прижималась к его груди, а маленькая, но тугая попка к низу живота, вдобавок, в результате бега онагра, тела их совершали ритмичные движения и как бродяга не пытался направить течение мысли в какое-нибудь постороннее русло, результат вскоре был, как говориться, на лицо, но несколько в ином месте. Не имеющего никакого отношения, именно, к лицу.

– Дяденька-а-а.

Господи, твоя воля! да что ж тебе не сидится – то?

– Дяденька, а у тебя что-то там растет.

– Тебе показалось, сиди спокойно и не ерзай.

– Да-а-а! А оно упирается мне прямо в попку. Что-то такое большо-ое-е!

– Это... это... ну, в общем, не обращай внимания. Это ерунда все это!

– А дай-ка я потрогаю, что там такое.

Пигалица завела назад руку, прижала ладонь к животу бродяги, и он почувствовал, как она сделала несколько круговых движений и стала щекотать его живот удивительно длинным пальцем большого ногтя. Странник, молча, убрал любопытную ручку.

Девчонка повернула к нему голову и глянула масляными и любопытными глазами прямо в самые порочные глубины бродяги, и тот заметил, что пигалица ухмыльнулась. Странник поднял легкое тело и поместил вышеозначенную сиротку за спину.

– Вот так нам обоим будет и спокойней и удобней. – пояснил он свои действия.

Однако спокойней стало не на много. Пигалица закинула руки на шею бродяге и игриво щекотала ногтями под подбородком, продолжая прижиматься всем телом, но не навязчиво, а так, просто чтобы не пропал интерес. Иногда она, привстав, клала подбородок на плечо бродяге и с любопытством заглядывала в глаза.

– Дяденька, а ты любишь маленьких девочек?

– Да, люблю, люблю... то есть, нет... ну, в общем... не совсем.

– Ах, какая жалость! Так, значит, ты маленьких девочек не любишь?

– Послушай, малышка, при таком поведении тебя непременно и скоро изнасилуют.

– Ой, пожалуйста, не надо. Я тебя очень боюсь! Не трогай меня, дяденька!

Странник покосился на девчонку. Что-то было в ней очень странное. Она говорила, то плачущим голосом маленькой испуганной девчонки, то голосом взрослой. И поведение ее представляло собой какие-то сплошные зигзаги. Вот, например, сейчас ее ладони скользнули по животу и начали настойчиво вползать в схенти, подбираясь... вот-вот... именно туда.

– Девочка! Дядя сейчас тебе как даст по ручкам и очень больно отшлепает попке.

– Ой, ой, ой. – насмешливо заплакала малолетняя нахалка. – Ой, страшно, ой, ой боюсь, боюсь! А ничего больше большой дяденька не сделает с маленькой девочкой? Кстати, за нами гонятся.

– С чего взяла?

– Слышу топот.

Онагр увеличил ход, и некоторое время они ехали молча. Пигалица прижалась к бродяге, крепко обхватив его руками.

– А как ты оказалась...

Закончить бродяга не успел.

– А-а-у-у-и-и-и.

Стон, раздавшийся где-то не очень далеко, перешел в протяжный вой, и только он замер, растворившись в ночи, как:

– А-а-и-и-и-у-у-и-и-и...

Многоголосый вой ответил ему, наполнив воздух жуткими переливами. Ночные звуки наполняли египетскую ночь в изобилии: сычиный тоскливый плач, загадочные совиные клики, металлический звон цикад, жалобные стенания шакалов, собачий лай из города, и иногда резкий хохот гиен и кошачье вяканье. Но это было что-то совершенно другое.

– Что это? – пробормотал странник, обернувшись к своей спутнице.

Девчонка смотрела очень пристально, в глазах ее скакали древнеегипетские бесы, а в приоткрытом рту блестели зубы. Кстати, бродяга заметил, что девчонка двигает челюстью, словно перекачивая что-то во рту.

– Это черные собаки. – прошептала пигалица, по-прежнему таинственно сверкая глазами.

– У-а-У! – резкий выкрик прозвучал совсем рядом.

– А это уже кошки. Теперь скачи, если жизнь свою нашел не в свином навозе.

Онагр дробно застучал копытами, удаляясь от топота, наметившегося было сзади. Однако полное незнание местности подвело бродягу. За очередным поворотом он едва не столкнулся с группой всадников скачущих на ослах ему навстречу. Пока он решал, повернуть ли ему назад, прыгнуть ли в кусты, оставив онагра решать свои проблемы самостоятельно – ведь, в конце концов, онагр-то не совершил ничего предосудительного, и вряд ли к нему будут предъявлять претензии... ах, мать вашу! А девчонка-то! Тут и преследователи сзади нагнали, и всадники на ослах закружились вокруг, словно карусель.

– Это он!

– Он подобрал эту тварь!

– Где твоя шлюха?!

Бродяга обернулся и обнаружил, что восседает на онагре в одиночестве. Черномазенькая девочка исчезла.

– Хватайте мерзавца! Сейчас он все расскажет.

– Господа, – вежливо и рассудительно ответил бродяга, – при всем желании я вам ничего не расскажу, так как и сам ну ни хрена не знаю.

– Ах, ничего не расскажешь! А и не надо. Повисишь на дыбе над огоньком, может, передумаешь слегка. А ты, сделай одолжение, и после этого ничего не говори, и мы с тебя кожу медленно начнем сдирать – по вашему же рецепту. Нам тоже охота послушать, как визжат при этом. А уж после этого, ты сам попросишь тебя выслушать, в обмен на то, чтобы прикончили тебя. А, иначе, мы тебя отпустим с содранною кожей на все четыре стороны, как вы любите это делать.

– Ух, ты! – восхитился бродяга. – Какая, клянусь Осирисом,, заманчивая перспектива! Но, боюсь, я не готов еще к подобной феерии чувств.

Он наклонился к уху своего спутника и прошептал:

– Друг мой, ситуация как раз для запасного варианта.

Онагр фыркнул, поперебирал на месте ногами, затем резко и пронзительно взвизгнул, скакнул вперед, разворачиваясь боком, и, подкинув круп, ударил задними ногами всадника вместе с ослом. Осла и всадника словно сдуло порывом урагана, а бродяга, не удержавшись, перелетел через голову онагра и свалился на другого всадника и с ним в обнимку рухнул на землю. Онагр рванул вперед, бродяга, подскочив, кинулся вслед с криком:

– Куда скотина!? Стой, отвратительное животное! А как же я!?

Онагр притормозил, подобрал всадника и очень убедительно доказал, что вовсе не лошадь или, скажем, гепард самое быстрое животное. Преследователи быстро затерялись в ночи и за беглецами, еще некоторое время, гнались ругательства и проклятия, затем и они отстали.

Мимо проносились пальмы, раскидистые сикоморы, шпалеры виноградников. Слева выплыли, из серебристой мглы, колонны храма и онагр, со своим всадником, свернув вправо, вскоре въехал в рощу высоких можжевельников и там они перевели дух. Впрочем, всадник запыхался намного больше, чем его спутник. Онагр медленно брел меж можжевельников, бродяга с удовольствием вспоминал события нынешней ночи, приговаривая:

– Как тут у них все таинственно, я бы даже сказал романтично. Воистину сказочный город. Не хватает только Шехерезады, но, я уверен, – она ждет нас впереди!

Из мечтательности его вывело фырканье и какое-то мычание. Фыркал онагр, а вот мычал...

Странник повернул голову и увидел на уровне глаз чьи-то ступни, висевшие в воздухе. С удивлением он поднял глаза вверх и узрел там все остальное. В воздухе парил человек.

– Любезный, а как это вам удастся?

В ответ человек издал жуткий стон и бродяга, уже заглодев от этого возгласа страдания, боязливо опустил глаза и наткнулся взглядом на кол. Загадка с парением разгадывалась просто и жутко – несчастного посадили на кол. Именно через заднепроходное отверстие.

– О, боги! Подождите, сейчас я вам помогу... сейчас...

Однако каким, таким образом, бродяга хотел помочь, осталось неизвестным. Можжевеловая роща наполнилась голосами, бедняга вновь издал страшный мычащий стон и, из-за ближайших можжевельников, высыпала толпа людей.

– О, боги!

– О, Осирис!

– О, мать Исида!

– О, священная девятка.

– Господин наш! Что с вами сделали.

– Вот он, подлый негодяй!

– Хватай!

– Держи!

– Что ты сделал с нашим господином?!

– Да, что ж это за напасть. – пробормотал бродяга.

Он крепко обхватил шею онагра, не дожидавшегося, на сей раз, указаний всадника, и унесся с ним в таинственные сумерки египетской ночи. Навстречу самой Шехерезаде, надо полагать.

– Нет, нет, коварная девица – так просто тебе от меня не скрыться.

– Ну, подожди же! Нет, ну что это такое?! Ой! Хи-хи. Какой нетерпеливый! Отпусти платье! Ну, имей же терпенье!

Темная богиня Нефтида уже достигла на своей ночной барке середины звездной реки и дочери Нут чуть утратили свой блеск в свете светила Джехути-Тота. (Во второй половине ночи взошла луна, и звезды слегка поблекли).

Путь его пролегал вдоль рощи невысоких пальм. Полутораметровые растения, широко раскинувшие резные листья, напоминали древовидные папортники и вестник, мечтательно улыбаясь, представлял себя заброшенным в глухие дебри времени, что, собственно и соответствовало действительности. Мечты его прервали звуки весьма интимного характера, доносившиеся как раз из пальмовой рощи.

Особь мужского пола терзала нечто противоположное, которое, очевидно, оказывало активное сопротивление, но при этом весьма блудливо хихикало.

Вестник остановился и погрузился в глубокие размышления на тему своевременной помощи даме, подвергшейся весьма значительному напору мужского желания. Но, с другой стороны, дама хоть и взвизгивала и укоряла спутника в коварстве, но помощи не требовала, соответственно, и соваться с ней отнюдь не следовало.

Он уже хотел проследовать далее в глубину лунной египетской ночи, как события в роще приобрели весьма агрессивный характер.

– Ну, куда ты лезешь?! Ты проводил бы девушку до дома, прежде чем задираТЬ подол ей.

Молодой человек ничего не отвечал, однако пальмовые листья мотались так, словно хотели улететь.

– Ладно, ладно! Хорошо!

Девица, видимо, решила, что, после достойного сопротивления, настало подходящее время для почетной сдачи.

– Ну не выкручивай же руку! И платье отпусти, порвешь. Я сама.

Последовала какая-то возня и эротический мужской стон, после чего пальмовые ветви раздвинулись, из них вылетело тело, и через мгновение вестник держал в руках молодую и весьма разгоряченную девицу.

– Ой! – весело испугалась девушка. – Еще один влюбленный ухажер.

Девушка сделала какое-то движение и замерла, глядя на вестника блестящими глазами. Тело ее прямо играло под руками вестника, вызывая теплую, сладкую и тягучую волну желания. «Разве можно гулять глубокими ночами с таким-то телом. – подумал вестник. – Естественно у любого возникает желание завалить его в кусты».

– Зачем же ты так поздно гуляешь, прекрасная девица. – спросил он почти то же самое, что и подумал.

– Так получилось. – тихо ответствовала девушка, явно чего-то ожидая.

Из пальмовой рощи донесся какое-то хыркание.

– А что там с твоим кавалером?

– А. – легкомысленно и пренебрежительно махнула рукой девица.

– Просто напился и теперь, наверное, блюет. Что за привычка у вас, молодых парней, на свиданье приходить, напившись в стельку?

– Пожалуй, я провожу тебя до дома.

– А стоит ли о, таинственный и своевременный защитник? – насмешливо спросила девушка.

- Конечно, стоит.
- И сколько это будет стоить?
- В каком же это смысле?
- Что ты потребуешь от девушки за помощь?
- Ну, хватит торговаться.

Вестник подхватил девушку за талию и поместил на онагра.

Незнакомка слегка напряглась, когда он схватил ее за талию.

- Уау! – издала какой-то кошачий возглас удивления девушка.

Затем она покрутила головой, оглядывая онагра. Онагр, между прочим, тоже закрутился на месте, с удивлением поглядывая на навязанную ему всадницу.

- Какое странное животное.
- Оно, этот сказочный дракон, доставит тебя туда, куда захочешь.
- Правда? Ну, тогда туда пусть двигает свои драконовы копытца. – девушка махнула рукой в южном направлении.

По дороге они весело болтали ни о чем. Девушка обладала весьма острым языком и постоянно подначивала своего спутника. Тот в долгу не оставался, тайком оглядывая свою ночную даму. Та беззаботно болтала ногами, блестела глазами и трещала как сорока, впрочем, вестник не мог отделаться от впечатления, что эта оживленная болтовня лишь лисий хвост, заметающий следы.

Вскоре он заметил, что невдалеке за ними появились какие-то неясные тени. Впрочем, они шли сзади, не приближаясь и не отставая. Кстати, сбоку, в проплывающих мимо кустах, тоже что-то шуршало беспрестанно. Лишь печальные крики маленьких сов вносили какое-то успокоение и умиротворение в ночную тьму и в душу.

Миновав храм, подъехали к озеру и девушка, соскочив с онагра, сказала:

- Благодарю тебя за помощь, незнакомец. Как тебя вознаградить?
- Общение с тобой выше любой награды.
- Так что же, ты даже и не попытаешься залезть мне под платье?

Девушка неожиданно оказалась прямо перед вестником и с вызовом посмотрела ему в глаза.

- Кто ты девушка? – спросил он, невежливо не отвечая на вопрос.

Глаза ночной знакомой неестественно сверкали в лунном свете.

- Ты не ответил. – напомнила девушка.
- Нет, ничего такого я не собираюсь.
- Ты хочешь сказать, что я, тебе, не нравлюсь? – в голосе послышалась угроза.
- И мыслей таких-то у меня и быть-то не могло – ты очень хороша! – честно признал вестник. – Особенно при лунном свете.

– При лунном свете даже жаба хороша. – фыркнула незнакомка. – Я надеялась, что ты все же попытаешься хоть что-нибудь, да предпринять. Так было бы намного проще.

– Хорошо, я возьму оплату за доставку, если уж ты так хочешь расплатиться. Скажи мне свое имя.

Девушка с таинственной улыбкой посмотрела на вестника и, повернувшись, пошла к мерцающему в лунном свете озеру, раскинувшемуся перед циклопической белой стеной.

- Нефру-та. – негромко донеслось от стены папируса. – Зовут меня, Нефру-та.
- Я почему-то думал, что Шехерезада. – прошептал вестник.

Сразу после этого он вновь услышал знакомый звук, но на сей раз не стал вертеть головой, а просто пригнулся и отпрыгнул в сторону, вежливо уступая дорогу бумерангу. Затем некоторое время провожал взглядом деревянную стрекозу порхающую в лунном сиянии.

В романтическом настроении он направился к берегу Нила. Настроение это несколько скисло, когда он обнаружил, что-то липкое на ладонях и, поднеся их к носу, понял, что это

кровь и измазался он в ней, видимо, когда подсаживал ночную знакомую на онагра. Девушка на раненую не походила и возникала мысль, не лишенная логики, что девушка, по имени Красота Земли, сама прирезала кого-то. Быстрее всего эротические стоны ее ночного ухажера были предсмертным хрипом.

– Так, довольно. Довольно на сегодня ночных приключений, а то так мы можем не дожить до их конца. Необходимо найти какое-нибудь тихое местечко массового скопления местного населения, – негромко рассуждал он вслух, накручивая на палец свой локон, – где скромный пришелец не привлечет внимания, такое место, где люди проводят свой досуг, предаваясь немудреным развлечениям после трудового дня. Ух, ты, мать...вашу... бя..

Тростниковый полог, закрывавший дверь, разлетелся, и на улицу, почему-то спиной вперед, с возмущенным воплем вылетел человек. Перевернувшись через голову, он встал на четвереньки и упрямо пополз обратно, однако ровно через секунду опять вылетел, но уже вперед ногами, после чего что-то пробормотал, принял позу зародыша и захрапел.

– Ну вот, одно такое, похоже, мы нашли, – сказал странник, чуть не свалившись от неожиданности с осла.

События, однако, продолжали развиваться: внутри нарастал грохот, будто зарождалось землетрясение. Все это сопровождалось звоном, ругательством и звуками увесистых плюх. Когда все это оказалось на улице, выяснилось, что катаклизм пытались произвести четыре человека – трое усердно колотили четвертого. Четвертый не сдавался и поочередно ронял противников на землю, но никак не мог уронить сразу троих.

– О, великий город Объединяющий Две Земли! – пробормотал странник, – по-моему, процесс объединения еще в процессе объединения.

Некоторое время он вместе с онагром с интересом наблюдали за потасовкой, затем онагр, пару раз фыркнув, посеменил к дерущимся и, вытянув шею и обнажив длинные желтые зубы, неожиданно цапнул одного из нападавших за задницу. Визг и сноп ругательств рассыпались по темной улице.

– Это не я, это он. – указывая на онагра, добродушно сказал странник укушенному и ударил его ладонью по носу. – Ну, а вот это от меня...

В это время защищавшийся ухватил одного из противников за загривок и смачно впечатал его физиономию в стену, в результате чего тот мирно сполз на землю, а от стены отвалился солидный кусок глины. Третий, из нападавших, что-то бормоча, на четвереньках шмыгнул в дверь, как тарантул в норку.

– А теперь – ходу, а то сейчас начнется, – крикнул незнакомец, и тяжелым галопом поскакал по улочке. Из заведения действительно вывалилась толпа чернокожих, в свете факелов весьма похожих на чертей спяну вывалившихся из преисподней. Странник с онагром с возгласом «Да что ж это за ночь такая!», припустили вслед за новым знакомым, с которым еще, за дефицитом времени, не познакомились. Некоторое время они бежали рядом, спиной слыша бодрящий топот настигающей толпы.

– Давай вниз, к реке, – тяжело дыша, прохрипел незнакомец. – Я уже не так легок на ноги, – и он хлопнул себя по объемистому животу, – но, под гору бегаю изрядно хорошо.

– А давай-ка держись за гриву моего онагра и, главное успевай перебирать ногами. – подал дельную мысль странник.

Совет оказался как нельзя более, кстати, и наша троица существенно увеличила ход, почти обогнав несколько дубинок, брошенных вслед.

– Это называется бег по-нумидийски, только вместо осла должна быть лошадь. – некоторое время спустя, стоя на каком-то перекрестке, куда каким-то чудом выходило семь или восемь улочек, а прямо посередине росло какое-то дерево, оказавшееся финиковой пальмой, сказал странник

– Ну, приятель, – чуть отдышавшись, спросил спутник, – объясни, во имя Сета, чего тебе приспичило ввязываться в драчку?

Был он среднего роста, широкоплеч, с мощными руками, свисавшими почти до колен, с солидным брюхом, бритый наголо и, благодаря учащенному дыханию, с устойчивым запахом пива и чеснока.

– Да, честно говоря, я еще раздумывал – за кого драться, но вот этот осел, почему-то, решил заступиться за тебя, ну и втянул меня во все вот это дело.

Даже темной ночью было видно, как у египтянина вытаращились глаза, затем разинулась яма рта, из которой уже торчали ругательства, но последовал глубокий вдох, и неожиданно для обоих, раздался оглушительный хохот, от которого цикады на дереве притихли, а в нескольких дворах остервенело залаяли собаки. Хохотал египтянин оригинально – не сгибался в пояснице как обычно, а наоборот, откидывался назад и запрокидывал лицо кверху.

– Ну, ты веселый парень, – пророкотал он и с размаху дружески ударил странника по плечу.

Не успевший увернуться, странник с трудом удержал равновесие и, скривившись, почесал плечо.

– Ладно, нечего нам торчать здесь, как шакалу на гробнице, а то принесет стражу, забодай их священный баран и священный Хапи. Что-то я чувствую сильную жажду, да и, честно говоря, вспотел я после этой беготни. Тут недалеко знаю я одно местечко, может, раздавим по кувшинчику пивка?

– Что? – не поверил своему счастью странник. – Что ты сказал?

– Я говорю – пивка по жбанчику-другому – ты как на это смотришь?

– У вас есть пиво?

– Ты что, дружище, еще с великого похмелья? Так ты будешь пиво? Холодненькое слегка?

– Вот! Вот первая и единственная здравая мысль за весь день! У вас здесь и впрямь душно, – ответил странник, всей кожей чувствуя липкую и пыльную духоту египетской ночи, – только у меня на пиво, увы, ... пш-ш-ш...

– Ладно, ладно, я угощаю. Хромой Менуфер должен мне еще за серпы. Энеджеб меня зовут, кузнец я.

– А я думал – палач.

– Почему это? – фыркнул, наконец обретший имя и профессию, кузнец Энеджеб.

– Да такими руками только головы откручивать.

Мило беседуя, новые друзья отправились к хромому Менуферу за пивом.

– А ты кто? Ручки у тебя тонкие, пальцы длинные – писец, наверное?

– Писец? Да, пожалуй, писец. И еще смотрец, или глядец.

– Ты, я вижу, веселый человек. С тобой не заскучаешь!

– Да уж, повеселитесь, это точно. Слушай, а что это там за дебош у тебя получился?

– Да понаехали всякие черномордые, нормальному роме уж и прохода нет

– Точно! Понаехали тут... черножопые...

– Как, как, как? Чего? Какие – такие, жопы? – как вкопанный остановился кузнец. – Чер... через что жопы?

– Да, да, через нее.

– Черно... жо... черножопые? Га-га-га! А ведь точно, черножопые. Надо ребятам рассказать, ох и уссутся от смеха! А что ты там говорил про нумидийцев и что за хрень такая – лошадь?

– Да, друг Энеджеб, похоже, я тут с вами влетел по-крупному. Ну, это такая зверюга, типа осла.

– Не-е-ет, друг Энеджеб, ты давай рассказывай мне все по порядку и подробно. Я, знаешь ли, долго отсутствовал в Черной Земле, ну, скажем, о-о-очень уж долго, и теперь сердце мое трепещет в груди моей, и Ба мое радостно хлопает крыльями, как гусь весенний, и готов я от счастья упасть на колени в священный ил, отца земли нашей Хапи, уткнуться лбом в коровью лепешку священного Аписа...

– Кого?! Чью коровью лепешку? – брови кузнеца полезли вверх.

– Ох, прости, пожалуйста, – Хапи, конечно же, в лепешку Хапи и воздать хвалу Ра, что направил ладью моей жизни к Белым Стенам великого Дома души Птаха, – сказал будущий вестник и почти прослезился от чувств.

Приятеля сидели во дворе Менефера под открытым небом, на папирусных циновках, перед ними на земле стоял кувшин с пивом обмотанный мокрой тряпкой, а в руках они торжественно держали глиняные кружки. Во дворе росли две финиковые пальмы и виноград, закрывающий глиняные стены. Меж столов бродили коза, которую периодически приходилось отгонять от винограда, и онагр странника. Оба приятеля завалились в гости вместе со скотиной с милой непосредственностью; впрочем, хозяин, привыкший видимо к романтической, а может где-то и экстравагантной натуре кузнеца, и не удивился.

– Ну, давай, во славу всех богов земель обоих. – чинно приподнял кружку кузнец.

– Воистину, во славу. – отвечал вестник, приподнимая свою.

– А долго ли ты странствовал среди варварских народов, друг? – спросил Энеджеб, опустошая посудину одним махом.

– Э, дорогой, сказать тебе, так ты и не поверишь, – вдруг развеселился странник, следуя примеру приятеля.

– Паршивые времена сейчас, друг, – вздохнул кузнец – сильные властью и богатством становятся день ото дня еще сильнее и богаче, чтоб их Сет разорвал своими красными и когтистыми лапищами. Бедные и слабые становятся беднее и слабее. Кто работает на земле – теряет землю, кто ловит рыбу – теряет лодку, кто работает в мастерской – теряет мастерскую. Налоги и так увеличивают каждый год, а тут еще проклятый Певасер умудрился за этот год собрать два налога, чтоб ему гиена задницу обгрызла, чтоб его крокодилы растащили в стороны за обе ноги, чтоб его бегемот проглотил и разбросал навозом по всему Хапи!

– Не расстраивайся, дружище, – похлопал странник по плечу разошедшегося кузнеца, – разве было когда-нибудь иначе?

– Было! – грохнул кулаком по земле Энеджеб так, что почти подпрыгнули кружки, а из дома мгновенно выскочила черноглазая девчонка со следующим кувшином пива. Кузнец погладил ее по черноволосой головке и добродушно шлепнул по попке.

– Было. – повторил он тише. – Раньше порядок был! Слушай, я кузнец, отец мой был кузнецом и дед мой был кузнецом, и жили мы в благословенное время Неферкара, а прадед мой родился в один год с царем нашим и помнил еще великого джати Джеда, и не было тогда такого, чтобы налоги по два раза в год платили! – Кузнец снова хряпнул по священной земле...

– Ну-ка, подожди, подожди, – неожиданно забеспокоился странник, – так что ж это получается? Великий Храм, Пеги второй умер?

– Не кощунствуй, друг мой. Не называй земным именем ушедшего к богам, – грустно сказал кузнец, погружая нос в кружку с пивом и продолжая говорить оттуда, отчего голос его прозвучал глухо и торжественно. – Прекрасная душа Ра (Неферикара) стал Осирисом и уплыл в золотой барке в воды нижнего Неба. Впрочем, я в этом не очень-то понимаю.

– Да наплевать на какое небо он... вот, как! Уплыл-таки, значит. Тогда времени у нас не очень много. Скоро тут у вас полная хрень начнется, А я хотел пожить-поосмотреться. Так, значит, правит его сын Меренра, ну в смысле Великий Храм, жизнь, здоровье, сила и те и де.

– Что значит Те и Де, что за титулы такие? А Осирис Антиемсаф Меренра уплыл в золотой барке, – кузнец махнул рукой, чуть не опрокинув кувшин, – туда, в страну Заката.

– Что, тоже уплыл? И этот!? Да, что ж им всем приспичило так сразу! Плыть в страну заката такую стройной чередой. Там, что бесплатная раздача благодати? Так правит кто?

– А правит внучка. Если, конечно это правит.

– А есть ли у этой внучки имя?

Кузнец искоса посмотрел на свежеприобретенного друга, опасливо стрельнул глазами по сторонам и вполголоса сказал:

– Гор, сын Ра, царица Нейтикерт жизнь, здоровье ей, и сила.

В аккурат на середине фразы – «царица Нейтикерт» – пришелец вздрогнул, затем застыл на некоторое время, затем его передернуло, словно окаченного ледяной водой и он опять застыл.

– Эй! – кузнец слегка толкнул замолчавшего собеседника и тот едва не завалился на землю, но из транса это его не вывело.

– Ты чего? – не унимался кузнец.

Пришелец взглянул на кузнеца, словно только что вынырнул откуда-то.

– Святая дева Мария. – произнес он тихо.

– Что? – удивился кузнец.

– Спаси и помилуй мя. – так же тихо ответил тот.

– Какие интересные у тебя ругательства, – уважительно произнес кузнец, – видно и вправду долго прожил ты среди варваров.

– Ты прав, друг мой, среди варваров, и еще каких! – грустно ответил странник.

– Ты что-то как-то сник, приятель.

– Я вдруг вспомнил.

– Что вспомнил?

– Многое.

– Да говори же ты ясней и проще.

– Друг мой, ты не представляешь, что здесь вскоре начнется! Нет! Ну и угрозило же меня вот именно сейчас здесь объявиться. Если уж в дерьмо надо было вступить, то обеими ногами сразу! Вот это я пожил немножко, вот это осмотрелся!

– А что тут будет? Как раньше обдирали, так и будут и дальше обдирать? Нет, вот, ты мне объясни, почему со мной, с моим братом, с соседями? Почему их столько развелось, ну всех этих царских слуг, слуг джати, слуг владельцев сепов, городов, храмовых слуг, и почему я один работаю, а они только берут? А? – маленькие пороссячьи глазки кузнеца злобно поблескивали. – И почему они ведут себя как в завоеванной стране? Ведь я им – что? Негра дикая какая или техенну немытый? Ведь это мы их завоевали. Мой дед воевал, и отец воевал. Эх, помнишь, сколько тогда добра понавели и рабов пригнали?

– Еще бы! Конечно, помню! – с готовностью согласился вестник и добавил, – Помню довольно хорошо, но смутно. Зато я знаю песню Уны. Ну, ту, где про благополучное возвращение войска.

– Да, тот парень знал, как с варварами разговаривать. Ну, и что из этого вышло? А вышла полная хренатень! Понагнали их тогда, в то время, видимо-невидимо. Ну, думали, теперь легче будет – не станут на государственные работы дергать, налоги снизят, долги простят или уж хотя бы в рабство долговое отменят. Ага! Щас! Черных сначала стали брать в стражники. Но это хрен с ними – кому нужно, пусть берет, если нравится. Однако, чем дальше, тем краше. Двадцать лет назад на земле работали роме, и это была их земля, или арендовали у храмов или у имеров. Теперь ни храмовых, ни царских земледельцев нет – сплошь черных и белокрысых посадили. Ну конечно, им-то платить не обязательно! Так мало того, владельцы господа у свободных землепашцев надель поотбирали, и отгадай, попробуй – кого туда посадили? Ну, догадался? Но самое веселое, что их теперь судейские берут в сборщики налога, налоги собирать. Они уже вроде надсмотрщиков, стоит такая, рожа губастая, с дубиной и вроде как спра-

шивает – ну, кто кого победил? Услышав такое, они сюда безо всякой войны сюда повалили. У них ведь там, кроме саранчи, жрать нечего.

– Слушай, друг Энеджеб, а тебе-то какая разница, кто тебя дубиной окучивает, черный, желтый, белый или чистокровный краснокожий египтянин?

– Еще чего! Есть мне разница. Окучивать они меня будут! Я их вон сам сегодня окучил. И еще буду окучивать! Нет, как это нет разницы? Ты что говоришь такое, друг? Ну, от тебя я этого не ожидал! Еще, гамадрил тебя заешь, есть какая разница! Свой-то тоже, конечно, может палкой охерачить, но, он-то это по-службе, а не со зла. Свой, иногда, если что заметит лишнее, то и смолчит. А эти? Запомни друг, техенну и кушиты и всяческие, там хентиу... тьфу, выговорить противно! – лупят правоверного роме с радостью, ибо ненавидят нас, как гиена льва.

– Вот, интересно, за чтоб это им вас ненавидеть? – фыркнул в кружку странник.

– Да за все! – не захотел почувствовать иронии прямодушный кузнец. – За то, что победили, за то, что всегда побеждали вонючек черно... э... жопых! За то, что живем во сто раз богаче, за то, что молимся не истуканам деревянным, а...

– Истуканам каменным...

– Да, подожди ты! – собеседник шлепнул ладонью по кувшину, за малым не разбил и внимательно посмотрел на собутельника – Как может говорить так правоверный роме? Мы молимся не истуканам, а истинным богам!

– Глубже надо смотреть. В самый центр социальной язвы. И проявлять толерантность.

– Слышь, прекрати материться за столом и не перебивай меня! – разошелся политически подкованный кузнец. – Я тебе так скажу: при владыке, ушедшем на Запад, простому человеку хорошо жилось, ну если конечно, руки не из жопы росли. Опять же, хочешь сына в школу отдать, пожалуйста – хоть ты будь пастух, хоть ты будь рыбак, хоть казначей бога. Все дети будут рядом сидеть и письму обучаться, законам там всяким и премудростям. И там уж жрецы смотрели, кто способности выказал большие. Никогда не оставляли в храмах неучей ленивых. Богатство богатством, происхождение – само собой, но способности и ум тоже значение имели! Не меньшее чем богатство и происхождение вельможное! Вот тот же Уна знаешь с чего начал? Вообще ни с чего! А стал начальником Врат Юга. Это тебе, знаешь, не кошка насрала. А почему? Образование было бесплатное! Ничего не платили, – лишь корми сам своего ребенка или плати за кормление, малую сумму. Нет, что ты не говори, при прошлом владыке порядок был, да будет жизнь его среди полей Иалу счастлива и изобильна.

– А мне говорили, что в последние годы старикан уже того... ну, не тот уже был. Шутка ли – век прожить!

– А ты, дружище, в рожу тому плюнь, кто так говорит! Владыка наш воистину богом был на земле и отцом для нас всех, потому и прожил ровно век. И я его уважаю! – рубанул рукой воздух кузнец. – А если кто, из им возвеличенных, оказался гиеной вонючей, так он в том не виноват.

– Дежа вю, друг Энеджеб, – с улыбкой произнес странник

– Чего? Опять ты выражаешься!

– Да я говорю, что все это когда-то было, может, наоборот, будет, раз уж сейчас это есть. Короче, я об этом уже от кого-то и где-то слышал.

– Конечно, будет, – уверенно пообещал кузнец, – еще и не то будет. А слышать ты это мог везде: походи по городу да послушай – еще и не то услышишь. Сам только не болтай, а то бога Ра помянуть не успеешь, как окажешься с драной задницей и в каменоломне, если не чего похуже. Не-ет, раньше такого не было!

– Верю, друг, верю. И насчет драной задницы и насчет – то ли еще будет. Что будет – попробуем изменить, а свою задницу – сберечь, она у нас – самое дорогое место после Шу,

Аху, Ку и Би. Однако смотри-ка, Небесный охотник уже полностью вышел из Ахета; пора бы нам на отдых, тебе же завтра работать. – озаботился странник.

– Э-э, брат, да ты совсем на чужбине замотался – завтра выходной! Впрочем, и вправду пора дать людям отдохнуть.

Выйдя на темную улицу, собутыльники потянулись, вдохнули полной грудью и вестник предложил, прижимая к груди кувшин с пивом:

– А давай-ка грянем, нашу, египетскую народную, про удальца Уну.

Они обнялись и слегка пошатываясь, двинулись вниз по улице, а в ночное небо, укрывающее Дом души Птаха взлетела старинная боевая песня:

- Вернулось войско благополучно
- Взрыв всю страну Хериуша
- Вернулось оно благополучно
- Разрушив ее укрепления
- Вернулось это войско благополучно
- Срубив все сады и деревья
- Вернулось оно благополучно
- Бросив огонь на селенья
- Перебив все ее отряды
- В числе многих десятков тысяч
- А так же детей и женщин
- Кидали в огонь для смеха
- Вернулось оно благополучно
- Вытоптав все посевы
- На тот неудачный случай
- Что кто-то огня избегнул
- Вернулось войско благополучно
- Оставив лишь смрадные трупы
- Вернулось оно благополучно
- Гоня пред собой толпы пленных
- Государь мой и повелитель
- Похвалил меня очень и очень
- Вернулся домой я с почетом
- Обнял детей и супругу

(текст стихов подлинный)

Глава четвертая. Свидание при луне

Великий Храм, мощный Бык Черной Земли, Высокие Врата, повелитель Двух Земель Гор, сын Ра, в каменной неподвижности сидела на троне из черного гренадила, поставленного на алебастровый ступенчатый постамент.

(Это не тот алебастр, что ныне, через пять тысяч лет, используется для ремонта, а абсолютно другой материал. Это полупрозрачный кальцит телесного цвета и смотрится он, как драгоценный камень. Владыки Египта, дарили своим лучшим слугам глыбу кальцита на саркофаг).

С последним лучом красного диска Атума, ушедшего на запад в пучины Дуата, и темнотой, пришедшей из восточной пустыни, закончились многочисленные обязанности владыки Черной Земли.

Уже приняли у владыки царские регалии – многохвостую плетть и изогнутый, полосатый жезл. Уже хранитель царских сандалий, склонившись в три погибели, с превеликой осторожностью снял с длинных и узких ступней золотые сандалии и удостоился великой чести поцеловать тронный постамент перед изящными ножками живого бога. Уже вышли из зала, пятясь, согнувшись в поясе, и прижав руки к груди, все присутствующие. Повинуясь легкому движению, исчезли и веероносцы.

Владыка осталась одна в огромном зале по-прежнему каменно неподвижная с руками, прижатыми крест-накрест, к груди.

Снаружи донеслись звуки торжественного песнопения – начался первый, из двенадцати, час ночи, и в храмах жрецы возносили молитвы Ра, плывущему на золотой барке по водам Нижнего Мира и сражающемуся с подземными чудовищами.

Гор, сын Ра некоторое время еще сидела неподвижно, затем показала пустому залу язык. – Ме.

Сын Ра исчез. Вслед за своим отцом скрывшимся за западным горизонтом. До следующего его появления в образе Хепри. Но, это будет завтра, а сейчас юная черноглазая и черноволосая девушка, со свеженьким, как утренняя зорька, скуластеньким лицом, легко сбегала с алебастрового постамена, шлепая золотыми сандалиями по синим фаянсовым плиткам с золотыми звездами на них, легко, невесомо и беззвучно пронеслась по громадному залу, словно веселое привидение, сияя белоснежным платьем по которому пробегали искры от вплетенных золотых нитей.

(Никакой авторской фантазии – именно золотые нити вплетали царские платья).

Чудовищные звероголовые существа безмолвно взирали на нее со стен тронного зала. Трепещущий свет от редких светильников перемешивал свет и тьму, бросая блики на гигантских монстров, придавая, им видимость движения. Чудовища ожили с первым часом ночи, шевелили руками, переступали ногами, моргали глазами, и их потусторонняя жизнь вот-вот должна была прорваться в мир сущий. Но, бегущую девушку, в сияющем золотыми искрами платье, не беспокоили оживающие монстры. Она их совершенно не боялась, по той причине, что они были частью ее жизни, и, более того, она сама относилась к их числу и иногда на бегу касалась кончиками пальцев их каменного мира. Вот, приподняв пальцами платье, взлетела она по широкой лестнице на следующий этаж огромного дворца, отстроенного еще Царем Скорпионов, на месте древней крепости.

Пробежав еще несколько пустых и темных залов с колоннами, еле угадываемыми в густой темноте, девушка-привидение вбежала в помещение с высокими и узкими окнами, выходящими на восточную сторону дворца-крепости.

Неровный, пляшущий свет светильников освещал широкую кровать, застланную легким белым льняным покрывалом, с деревянными изголовьями, белые (из слоновой кости) и черные (из гренадила и африканского эбена) кресла с наброшенными на спинки звериными шкурами,

невысокие столики, уставленные подносами с фруктами, кувшинами и ритонами, с напитками, а так же многочисленными флаконами, вазочками, футлярами и ларцами. Ножки всех предметов мебели были выполнены в виде звериных лап – либо когтистых – леопардов и гепардов, либо с копытцами – антилоп и газелей. Подлокотники соответствовали ногам и взирали на мир кто мордой хищника, кто травоядного рогатого животного. Все предметы в этой комнате были одухотворены, все имели собственное Ку. Впрочем, как и за ее пределами. Как и все в этом дворце, в городе и во всей стране. Все к чему прикасалась рука человека, становилось живым и обретало свою душу. Все что существовало помимо его, тем более было живым, ибо к нему прикасалась рука Птаха-творца. Всевысшего бога. Творца-демиурга.

(Увы, к огорчению весьма уважаемых евреев, идею единобожия они вынесли из Древнего Египта и впоследствии выдали за свое ноу-хау. Да, у египтян богов было очень много, ну прям на вкус любой, но творец мира сущего только один – Птах!).

Но девушка в белом плиссированном платье с золотыми искрами и треугольным декольте, об этом не думала. Она и так все это знала, она об этом знала намного больше. Гораздо больше, чем будут знать о сих скрытых материях через тысячелетия.

Три статуэтки кошек, сидящих на столике, с кувшинами и вазами, уставились на вбежавшую девицу, загадочно блестящими глазами.

Особенно выразительны были глаза самой большой кошки сидящей посередине. Они переливались золотисто-зеленым огнем, словно вбирая и отражая пламя светильников, а иногда в них появлялась зеленая полоска, будто каменная статуэтка прищуривалась, готовясь кинуться на добычу.

Девушка внимательно посмотрела на окаменевшее трио, будто хотела совершить чудо, вытащив их в мир живых.

– М-р-р-р. – произнесла девушка магическое слово.

И чудо свершилось.

– М-р-р-р. – ответили священные животные «смотрящие в Дуат».

Двое из них спрыгнули со столика, подбежали к девице и принялись с благодарным урчаньем тереться о ноги оживившей их юной кудесницы. Они подняли вертикально хвосты и бодались головами, на которых был четко виден знак священного черного скарабея, сохранившийся у их далеких предков до сих пор, до наших времен и это, опять-таки, не авторская гипербола, это так и есть на самом деле – египетские мау (кошки), существуют до сих пор. Сохранив свой пятнистый, леопардовый окрас, свой кошачий характер и сохранив свою кошачью натуру существующую в двух мирах, но об этом позже.

Только самая большая кошка не двинулась с места и продолжала шурить хризоберилловые глаза. Каменные, но очень живые, ибо глаза ее и были каменным кошачьим глазом.

Девушка подошла к серебряному чану с водой и смыла с лица обильные зеленые тени, густую черную подводку, румяна, помаду, тушь и взглянула в черное зеркало, повертев его и так и эдак. При поворотах в глубине зазеркалья вспыхивали загадочные искры. Красные, желтые и зеленые, а иногда появлялась цветная трещина, уходившая в черные глубины. Но вот при очередном повороте из потустороннего мрака явился юный лик, глянув огромными глазами на свое отражение в реальном мире. Налюбовавшись собой в ореоле цветных искр, девица подбежала к окну и выглянула наружу.

Великий город Мен-Нефер, окружавший дворец, спал, погруженный во тьму душной ночи, только редкие точки факелов ночной стражи рассыпались внизу.

Металлическое пение цикад, да отдаленный хохот гиен и плач шакалов в городе мертвых, оттеняли тишину ночи, а пряный аромат кедров, можжевельников и цветущих нильских акаций и миртов делал тьму густой и тягучей. Легкий ветерок, тянувшийся от реки, прохлады не приносил и лишь слегка шевелил занавески.

Но девушку не интересовал и город. Она поставила локти на подоконник, положила подбородок на кулачки и уставилась на восточную часть неба. Черные волосы, длинной до поясицы и даже ниже, рассыпались по спине. Кстати, в том самом месте, где ниже поясицы, платье было натянуто очень туго, что напрочь опровергало устоявшееся мнение, будто у египтянок были узкие бедра и широкие и прямые плечи. Это лишь установившийся стандарт красоты, а сейчас, ну, вот в это самое время, когда загадочная, но реальная девица смотрит на звездное небо из окна, все было так, как и на самом деле.

Кого же ждала девушка с большими черными глазами?

Ну, а кого ждут девушки ночами у окна спальни?

Конечно же, его, кого ж еще.

Непонятно только почему расположилась она у окна на последнем этаже дворца. Выше находилась только крыша и звездное небо над ней. Но все верно, ибо там и находился возлюбленный ее. Более нигде он и быть не мог, так как черноволосая глазастая девица была богиней, лишь в силу некоторых обстоятельств находившаяся пока что на земле. Даже, несмотря на свою историческую реальность, девушка была богиней. Кстати, единственной богиней, присутствующей в этот момент, на земле.

По-крайней мере сама она в это твердо и абсолютно верила. Да, что там верила! она это просто знала!

И возлюбленный не обманул ее. В положенный срок явился, не опоздав ни на мгновение.

Над скалами противоположного берега долины сверкнула яркая звезда. Могучий небесный охотник с луком в левой руке выходил на звездную охоту.

Темные глаза девушки сверкнули, отразив звездные лучи, она хлопнула в ладоши, отпрянула от окна и медленно закрутилась на месте, двигая бедрами и плечами, руки поползли вдоль тела, лаская его и подчеркивая плавные изгибы. Наверное, этим странным танцем девушка приветствовала своего небесного возлюбленного, хотя более всего она напоминала сейчас свернувшуюся кольцами змею, которая лежит на месте, но, тем не менее, все кольца ее тела движутся друг относительно друга.

Станцевав несколько па своего странного змеиного танца, девица забралась на подоконник с ногами и, обхватив колени, продолжила мечтательные созерцания звездного неба и даже прошептала следующее:

- Дуат обнял ваши руки,
- В том месте, где созвездие Саху
- Ты можешь взойти на небо
- И стать созвездием звездным
- Живи же и будь вечно молод,
- Как Саху на звездном небе

(Текст этих древних стихов подлинный).

«Скоро, уже совсем скоро, – думала поэтически настроенная девица, – следом за Саху, взойдет звезда Сепдет, звезда великой богини, и возвестит приход большой воды. Уже там, в безмерной дали – в стране Пунт и в сказочном Офире, таят снега великих гор и неуправляемый поток понесется, заполняя до края горные теснины, и вскоре ворвется в долину великой реки. И, наконец, свершу я то, что было задумано». Девушка улыбнулась, и, если бы кто увидел ее улыбку, то долго бы она снилась ему по ночам.

В кошмарных снах.

Но некому было полюбоваться дьявольским огнем, неожиданно сверкнувшим в темных глазах, и белым оскалом зубов, сразу, же преобразившим юную деву в нечто хищное и даже демоническое.

Пара или тройка летучих мышей возникла ниоткуда и начертила перед ней несколько каракулей своего полета. Но, когда они растворились во тьме, нечто осталось за окном, будто сотканное их полетом.

Прямо перед окном болталась и дергалась невесть откуда-то взявшаяся веревка.

Девушка, настороженно и сурово сведя к переносице широкие и разлетистые брови, осторожно высунулась из окна и глянула вверх. Демоническое в ней исчезло, а появилась обычное девичье любопытство.

Сверху кто-то спускался.

Девушка прищурила глаза и слегка прикусила нижнюю губу.

Однако этот кто-то, настолько увлекся процессом спуска, что проплыл, словно бестелесное сновидение, перед сидящей на окне девушкой, перебирая руками, и заметил ее только, когда глаза его оказались на уровне босых ступней девицы. Узрев неожиданно перед собой неестественно длинные пальцы ног с покрытыми зеленым лаком ногтями, он медленно поднял голову, увидел удивленно смотрящее на него черноволосое создание и вскрикнул:

– Уой!

Очевидно, акробат этот хотел вскрикнуть «уй» и «ой» одновременно, вот и получилось это бестолковое «Уой», но не столь важно как там у него получилось, а гораздо более важно то, что от неожиданности он выпустил из рук веревку и улетел во тьму египетской ночи. Вот это действительно очень важно, ибо именно сейчас, вот в этот самый момент, и решается, как именно будут развиваться дальнейшие события. Именно сейчас все может и закончиться, так толком и не начавшись. Девица с любопытством свесилась вниз, ожидая гулкого удара тела об землю. Ее, этот результат полета человеческого тела, тоже касался самым радикальным образом, о чем она, правда, пока, и не подозревала. А, вообще-то, черт ее знает! Эта девушка, та еще... девица! Ну, там дальше все узнаете.

Однако время шло, и звук удара тела об землю, уже явно запаздывал. Что-то явно пошло не так должно.

А не пролетел ли, часом, незнакомец мимо земли? Прямо в бездну Аменти.

Ан, нет! Не пролетел.

Вон, карабкается обратно.

А жаль, так было бы лучше, в том числе и для него. Веревка вновь закачалась, и ночной гость опять повис прямо перед девушкой, раскачиваясь, словно обезьяна на лиане.

– Быть того не может. – пробормотал незнакомец. – Это ты?! Ты ли это?

С этого момента все и началось, цепь событий двинулись в том самом невозможном сослагательном наклонении, которого она, якобы, не имеет.

Девица слегка отодвинулась от края и с удивлением уставилась на пришельца.

Большие черные миндалевидные глаза почти округлились от удивления, угольные брови, возмущенно приподнялись. Губки ее, очень объемистые и несколько негроидного типа, в настоящий момент от удивленья приоткрылись и стали видны нижние зубки с двумя торчащими клычками. С этими зубками, открытым ртом и круглыми глазами девица очень напоминала молодую кошечку, впервые вышедшую в сад и увидавшую вдруг паука, спускающегося на паутине с ветки.

Ее ночной визитер выглядел не менее ошарашенным. Он также таранился на девушку и постоянно сучил ногами, цепляя ступнями выскальзывающую веревку.

Был он довольно-таки молод, ну может чуть постарше глазающей на него девицы. Хотя насколько старше, старше ли вообще, ручаться, собственно, нельзя – темно ведь – ночь как-никак и прочая египетская тьма.

Рост незнакомец имел самый, что ни на есть обычный – то есть выше среднего. Сложением немного подкачал – не было в его болтающемся теле солидности необходимой зрелому мужчине, но надо думать тогда б он и не болтался на веревках по ночам, спускаясь

откуда-то с небес к скучающим девицам. Впрочем, и доходягой странный тип не выглядел – по той же, вышеназванной причине. Сейчас по нему неплохо было бы изучать мышечную анатомию, но мышцы были не накачанные, а какие-то тугие и перекрученные и видимые до самых мелких волокон. Светлые глаза его смотрели на мир по-детски радостно и ясно, словно каждый взгляд на окружающую среду приносил ему новые и чудесные открытия, а потому выглядел незнакомец немного глуповато. Как жизнерадостный щенок, выпущенный в сад.

Ну, а что касается красивого и сочного синяка под левым глазом пришельца, то он ничуть не уменьшал радостного сияния его глаз. В заключение надо сказать, что волосы ночной гость имел длинные и черные, только спереди свешивалась на лицо седая прядь, что в сочетании с детским взглядом, производило весьма странное впечатление. Но вот, наконец, решился он нарушить затянувшееся молчание.

– Неужели здесь, сейчас, под этим древним звездным небом...

Незнакомец хотел вздуть вверх руки, чтобы уточнить какое именно небо он имеет в виду и опять чуть не улетел вниз, но, судорожно дернувшись, удержался и продолжил:

– Под звездным небом древнего Египта, сидит, передо мною в окошке, легендарная царица. Ведь ты, девушка, знаменитая царица Нейтикерт?!

Девушка, мало того что была сыном Ра и дочерью его же, между прочим, так еще оказавшаяся легендарной царицей, склонила головку слегка набок, став еще больше похожей на кошечку собирающуюся потрогать того самого паука лапкой и, возможно, слегка придавить, чтоб не мельтешил перед глазами.

– Здравствуйте, ваше величество, жизнь, здоровье и сила! Вы уж не сомневайтесь, этикету мы обучены-с. Если вот изволите, к примеру, ножкой топнуть по подоконнику, то след ваш, поцелую, ну, что называется, с большим нашим удовольствием.

Юная царица никак на эту ахинею не отреагировала, продолжая молча взирать на... на... ну, на вот это вот.

– Да, вы не волнуйтесь, ваше величество. – задушевно успокоил царицу незнакомец, хотя та и не высказывала особого волнения и слегка отвесив нижнюю челюсть смотрела на полночного визитера.

– Мое сердце чисто, легко и открыто и нет у меня никаких умыслов, просто я совершенно случайно проходил тут по крыше, этого вашего сказочного дворца, услышал, как декламируете Вы, с таким большим чувством, прекрасные стихи такие, и ночь такая таинственная, и звезды сегодня какие-то особенные. Ну, и не смог, простите покорно, сдержать порывы романтической души. И вот я спускаюсь, а здесь Вы, такая... такая... такая юная, такая романтическая, такая живая, позвольте, я присяду рядом с вами, на окошко, на самый краешек его, а то ведь руки-то у меня уже затекают, а вы соблаговолите прочитать еще что-нибудь о небе, о звездах, о вечности.

И странный пришелец начал раскачиваться, чтобы вскочить на подоконник.

Царица, меж тем, декламацией почему-то не разразилась, она вообще не издала ни звука, зато откинулась слегка назад, вытянула вперед ногу и, закусив нижнюю губу, молча, оттолкнула навязчивого гостя от окна в тот момент, когда он собирался на него вспрыгнуть.

Неудавшийся визитер совершил маятниковое колебание и вновь приблизился к окну, где получил еще один раздраженный пинок царственной ножкой.

– Царица, – вступил в переговоры болтающийся, – ты напрасно изволишь так сердиться. Давай же побеседуем, ведь сейчас сложился исключительный исторический момент.

Однако ситуация ничем не изменилась, даже как-то заиклилась на однообразии – он болтался за окном, а царица негостеприимно пихалась ногами, совершенно не желая вникать в исключительность и историчность момента. Причем, с каждым разом, пихала все сильнее, видимо, это развлечение пришлось ей по вкусу.

– Ваше величество, вы просто не понимаете, с кем вас свела судьба.

Девушка, не прекращая пинаться, завела правую руку за голову, поперебирала что-то в волосах, вытащила странный черный нож и, подняв острием вверх, многозначительно показала его пришельцу.

Нож злобно уставился на гостя красным камнем, горевшим в рукояти, словно раскаленный уголь.

– Оу! – оценил сие действие пришелец. – Царица, я отдаю должное твоей утонченности и экстравагантности, но хочу тебе сказать, что мне все-все практически известно наперед. Знаю я и то, что вы, ваше величество, собрались тут отчебучить через пару-тройку месяцев. Не могу не отметить, что задумано, конечно, с фантазией и воистину с царским размахом, эдак бултых – и поплыли элегантно трупы вдоль по батюшке по Хапи, вот ведь сразу видно утонченную натуру и царский размах – всех подлых тварей разом утопить. Я в восхищении.

Царица перестала отпихивать ногами и руками болтающееся тело болтавшего невесть что пришельца, и замерла округлив глаза.

– Я явился сюда для тебя вестником времен и в мои планы сие деяние не входит. Даже, напротив, я собираюсь в этом деле...

Однако намерения его так и остались неозвученными, ибо царица молниеносно обхватила, качнувшегося в этот момент к окну, вестника времен, левой рукой за шею, и, с неожиданной, для юной девы, силой рванула на себя, откинувшись назад, явно намереваясь насадить неожиданного вестника времени сердцем на нож.

Видимо, от предвкушения сего удовольствия, девушка издала какое-то сладострастное урчание.

Вестник, судорожно дрыгнувшись, влетел в окно, перевернулся через голову, избегнув тычка ножом, и очутился сидящим на полу в царской опочивальне.

Он с безмерным удивлением, то ли от того, что его, вот так, запросто, чуть было, не зарезали, то ли от того, что удалось сего избежать, обернулся на царицу и очень вовремя, ибо утонченная, по натуре, царица, уже прыгала, осклаившись, на него, с подоконника, с ножом.

Однако любоваться прекрасным зрелищем было некогда. Он подскочил, словно с муравейника, и, с трудом увернувшись от удара, нацеленного в горло, и, несмотря на стрессовую ситуацию, с удивлением отметил, что юная стройная царица почти с него ростом.

Впрочем, удивлялся он совсем недолго, ибо рослая девушка одним выпадом не ограничилась, а разошлась не на шутку, нанося колющие, режущие и маховые удары с таким мастерством, будто только этому и посвящала досуг; и не иначе, как только чудом, можно объяснить то, что странник, или, как его там еще, не был задет.

– Опомнитесь, Ваше, – кричал вестник, стараясь произнести слово «ваше» с большой буквы, – Величество! Вспомните же о царском достоинстве!

Вестник времени очень вовремя шмыгнул за колонну, а царица азартно расставив руки, пыталась достать его, то с одной, то с другой стороны.

Некоторое время они бегали вокруг, и пришельцу уже казалось, что за ним гонятся две царицы, так как, в какую бы сторону он не совался, везде наталкивался на блеск черных глаз, сверкавших из густой копны живописно растрепавшихся волос, делавших легендарную царицу весьма похожей на самую настоящую ведьму, и выставленный нож, который так и норовил впитаться то в глаз, то в горло, то в живот.

– Ну, успокойтесь же! Ой, черт! Да что же ты творишь-то, в самом деле! Что ж вы бешеная такая, я вас, древнюю легенду, представлял совсем иною.

Вестник, пробежав пару-тройку кругов вокруг колонны, чуть не напоролся брюхом на кинжал и, отпрыгнув спиной назад, споткнулся об столик с туалетными принадлежностями и кувыркнулся через голову в компании баночек, флакончиков, и вазочек и все с изрядным звоном. По царской опочивальне тут же пронеслась волна благоуханий, словно сразу распустились сотни цветов, а царица с радостным рычаньем кинулась на полуночного гостя, но он

успел-таки ухватить ее за руки и, совершенно неожиданно для себя самого, ногой перекинул ее величество через голову и вскочил на ноги.

Однако повернувшись, он вновь наткнулся на стоящую, как ни в чем не бывало царицу с сияющим взглядом.

Видимо такая занятная игра ей, царице, очень нравилась, и она начинала входить во вкус. Теперь она спрятала обе руки за спину и, раскачиваясь, как кобра, приближалась к нему, демонстрируя из-за спины черное лезвие то слева, то справа, словно играя жалом. Так еще и улыбалась, царственная сволочь!

– Ну, ведите же Вы себя прилично! Ешь твою мать! Ваше величество, мое терпение кончается. – вестник, уворачиваясь, отступал, натываясь на светильники и предметы обихода, производя звон, лязг и грохот, но экстравагантная царица преследовала его по пятам, двигаясь с удивительной ловкостью и змеиной грацией, загнала к царскому ложу. Поняв, что сейчас его, вот-вот, самым, что ни на есть обычным способом, зарежут, без всяких там задних мыслей и сомнений, действительно древняя девица ножом владела виртуозно (нет, ну в самом деле, куда там, на хрен, нашим всем десанникам), вестник ухватил царицу за обе руки, что само по себе уже страшное святотатство. (Нельзя хватать своими лапами богиню!).

– Да не шпион я, успокойся же ты, что за безобразно не адекватное, царица! – в сердцах выкрикнул он, опасливо косясь на раскачивающийся перед ним кинжал. – Да не шпион я, да, успокойся ты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.